
В НОЧЬ
ЧУЖОЙ СМЕНЫ
СОКОЛОВ
А.В.
КРАВЦОВ
И.С.
Елена Горская

Елена Горская

В ночь чужой смены

«Автор»
2026

Горская Е.

В ночь чужой смены / Е. Горская — «Автор», 2026

В заводском Крутояре погибает мастер Борис Левин, а подозреваемый Рустам Хабиров получает безупречное алиби: его карта прошла турникет, бригада видела его на участке, наряд закрыт пятью подписями. Участковый Андрей Нестеров выясняет, что документы подтверждают работу, но не человека: чужую смену тайно отработал сокращённый сварщик Пётр Савин.Пётр стал свидетелем разговора, связанного с хищением редкого сплава, и теперь его семье угрожают. Старший участковый Мартынов пытается защитить Савиных, подделав время опроса из жалости. Андрею приходится одновременно раскрыть убийство, сохранить жизнь свидетелю и не позволить сострадательной лжи разрушить честные доказательства. В городе, где каждый боится закрытия завода, одна чужая карта запускает цепь подмен — и только поступки возвращают людям их настоящие имена.

© Горская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Третья проходная 6
Глава 2. Безупречный табель 14
Глава 3. Три ложки сахара 20
Глава 4. Последний список 28
Глава 5. Город после гудка 37
Глава 6. Чужой узел 44
Глава 7. Протокол в полночь 51
Глава 8. Билет после проходной 59
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Елена Горская
В ночь чужой смены

От автора

Заводской табель выглядит убедительно: время, подписи, выполненная работа. Но документ сохраняет только то, что в него внесли. Он не всегда отвечает на простой вопрос — кто именно стоял у станка, нёс сумку или говорил в телефон.

Эта история — о расследовании, в котором жалость толкает хорошего человека на ложь, а несколько честных подписей случайно подтверждают чужое алиби. Здесь нет всевидящей камеры и одной чудесной улики. Есть привычки, предметы и люди, которым приходится выбирать между удобной версией и безопасностью живого свидетеля.

Все персонажи и события вымышлены.

Глава 1. Третья проходная

В два часа семнадцать минут ночи третья проходная Крутоярского комбината выпустила человека, которого Андрей Нестеров не увидел.

Он в это время стоял у закрытого киоска напротив общежития и пытался оторвать от подошвы полоску мокрого картона. Снег, выпавший вечером, к полуночи превратился в серую кашу, а после двух схватился коркой. С заводской стороны тянуло горелым маслом. За бетонным забором ровно гудела вытяжка ремонтного цеха, и этот гул за четыре месяца успел стать для Андрея чем-то вроде часов: если стекло в комнате дрожит, значит, комбинат ещё жив.

Телефон завибрировал в кармане. Дежурный районного отдела говорил быстро, будто виноват был именно Андрей.

— Третья проходная, склад цветного металла. Охранник нашёл человека без сознания. Скорая едет из центра, наших пока нет. Ты ближе всех.

— Кто человек?

— Мастер Левин. Кажется, мёртвый.

Слово «кажется» продержалось до ворот.

Андрей пересёк пустой проспект, проскользнул между двумя грузовиками у весовой и показал удостоверение охраннику за стеклом. Тот уже держал в руке журнал, раскрытый на сегодняшней дате. Над окошком висели круглые часы. Минутная стрелка дёргалась раз в полминуты, словно экономила силы.

— Нестеров, участковый. Кто обнаружил?

— Я и обнаружил. Седых Валерий Петрович. Сначала думал, выпил и лёг. Потом свет включил.

Седых был широк в плечах и слишком аккуратно застёгнут на все пуговицы. Такие люди на холоде обычно сутулятся, а он стоял прямо. Лицо у него покрылось красными пятнами, хотя в будке было жарко.

— Где он?

Охранник указал на калитку, но не нажал кнопку.

— За складом, у сетки. Я ничего не трогал. Только пульс попробовал. Перчатку снял, потом назад надел. Мою, не его.

— Хорошо. Кто ещё подходил?

— Никто. Я крикнул сменному, чтобы скорую вызвал. Сам здесь. Там люди в цехе, но склад ночью закрыт.

Андрей попросил его записать на чистом листе время, когда он вышел из будки, что именно трогал и кому звонил. Седых потянулся за ручкой, потом остановился.

— В журнале уже есть.

— Журнал останется на месте. Пишите отдельно, пока помните.

Это было первое правило, которому Андрей доверял без оговорок: память портилась быстрее следов на снегу.

Калитка щёлкнула. За ней начинался узкий коридор между сетчатым ограждением и глухой стеной инструментального корпуса. Жёлтые фонари стояли через один. Под работающими снег казался ржавым, под погасшими — синим. Андрей включил фонарь телефона, но сразу убрал: собственная тень закрывала половину прохода.

Седых шёл впереди и показывал дорогу, не оборачиваясь.

— Мастерская бригада до шести. Вторая ночная. Левин к ним не относится, он дневной мастер склада. Иногда задерживался с бумагами.

— Сегодня задерживался?

— Я его не видел.

— А вошёл он через вас?

— Не знаю. Входов три, для начальства ещё центральная. Карта покажет.

Склад оказался длинным приземистым зданием без окон. На воротах висел новый навесной замок, блестевший в свете фонаря. Дальше сетка поворачивала к железнодорожному тупику. Там, в полосе между двумя сугробами, лежал мужчина.

Он лежал на правом боку, подтянув колени, будто хотел переждать ветер. Тёмная шапка откатилась к сетке. На затылке волосы слиплись. Крови на снегу было немного, узкая тёмная корка, и от этого смерть выглядела ещё менее убедительно — словно человека можно было окликнуть, поднять и отругать за испорченную куртку.

Андрей присел в двух шагах. Не дотрагиваясь, посмотрел на лицо, на руки, на подошвы. Мужчине было около пятидесяти пяти. На левой руке — обручальное кольцо, на запястье — старые часы с треснувшим стеклом. Стрелки шли. Рядом с ладонью лежал пластмассовый колпачок от авторучки.

— Борис Аркадьевич Левин, — сказал Седых позади. — Точно он.

— Откуда подошли?

Охранник показал на ряд собственных следов. Они тянулись от угла склада почти по прямой. В двух местах поверх них уже лёг мелкий сухой снег.

— Свет на дальнем углу моргал. Я пошёл проверить. У нас кабель старый, однажды замкнуло. Увидел ботинок.

— Не обходите меня. Возвращайтесь той же дорожкой.

Седых послушно попятился. Андрей достал из кармана сложенную медицинскую маску, надел её не столько ради пользы, сколько чтобы не дышать паром прямо над телом. Ветер вдоль сетки был сильнее, чем у ворот. Он донёс запах железа, дизельного топлива и чего-то сладкого, похожего на растворитель.

Телефон показал два тридцать одну. Андрей позвонил дежурному и подтвердил смерть, попросил следственно-оперативную группу, криминалиста и ограждение обоих концов прохода. Потом сделал обзорные фотографии, начиная издалека. Следы вокруг тела не складывались в ясную картину. Завод жил здесь годами: снег был утоптан рабочими ботинками, колёсами тележек, дворником. Свежую дорожку можно было угадать только у самой сетки, где корка ещё держалась.

На проволоке примерно на высоте пояса зацепилась синяя нитка. Ниже снег был продавлен длинной бороздой. Андрей отметил место на фотографии и не стал приближаться.

— Валерий Петрович, у Левина были ключи от склада?

— Должны быть. Он материально ответственный вместе с кладовщицей.

Связка нашлась под полой куртки. Бумажник лежал во внутреннем кармане, телефон — в наружном, экраном к телу. Грабёж становился маловероятен, хотя Андрей знал цену этому слову в первые полчаса. На заводе могли убить из-за пропуска, из-за пачки электродов и из-за обиды десятилетней давности, а взять кошелёк забыть.

Скорая приехала через третью проходную. Фельдшер, невысокая женщина в синей куртке, спешила, пока не увидела положение тела. Потом движения у неё стали медленными и точными. Она прошла по указанной дорожке, проверила признаки смерти и выпрямилась.

— Не меньше часа, — сказала она тихо. — Точнее вам эксперт скажет. Травма головы видимая, остальное после осмотра.

— Переворачивать не будем.

— Не будем.

Седых спросил издали:

— А вдруг сердце?

Фельдшер посмотрела на него, но ответила Андрею:

— Причину я здесь не устанавливаю.

За сеткой медленно прошёл маневровый тепловоз. Красный фонарь на последнем вагоне на секунду осветил лицо погибшего. Андрей увидел на щеке мелкие блестящие крупинки. Не снег: они не таяли. Он сделал ещё один снимок.

Следователь из района обещал быть через сорок минут. Сорок минут на морозе возле тела — долго, а для завода, где каждые несколько минут кто-нибудь открывает дверь, передвигает тележку или подписывает бумагу, почти целая смена. Андрей вернулся к проходной, велев Седых никого не пропускать по коридору у склада.

В будке теперь сидел второй охранник, молодой, с выпуклыми наушниками на шее. На столе перед ним стоял монитор системы доступа. По экрану бежали строки: фамилия, номер карты, турникет, время. Андрей видел похожую программу в районной администрации, только там люди проходили по обычным пропускам и никто не носил одинаковые серые робы.

— Как вас зовут?

— Костя. Константин Рябов.

— Запишите полностью и телефон. Камеры у склада есть?

— На воротах была, месяц не работает. Кабель сняли, когда траншею копали. На проходной всё пишет.

— Покажите входы и выходы с полуночи. Ничего не меняйте и не распечатывайте, пока я не сфотографирую экран.

Рябов потянул мышь к верхнему меню. Седых сразу сказал:

— Там фильтр нужен. Иначе весь завод выдаст.

Он встал за плечом молодого. Андрей попросил обоих отойти и сначала сфотографировал общий экран с часами в углу. Заводское время отставало от телефона на три минуты. Он записал это в блокнот.

— Теперь фильтр по третьей проходной. От двадцати двух ноль-ноль до настоящего времени.

Строк осталось двадцать восемь. В двадцать два часа вошла ремонтная бригада. Несколько работников выходили курить и возвращались через пять-семь минут. В час сорок восемь вышла уборщица. В два семнадцать — карта на имя Рустама Фаридовича Хабирова.

— Кто это? — спросил Андрей.

Седых ответил раньше Рябова:

— Слесарь пятого разряда. Ремонтный цех. Сейчас в смене.

— Если карта вышла, значит, он ушёл?

— Не обязательно. Может, в аптечку к охране ходил или к автомату. Хотя обратно отметки нет.

Андрей посмотрел следующие строки. Карта Хабирова действительно не возвращалась. В два двадцать три через ту же калитку вошёл начальник смены Захарченко. В два двадцать восемь — фельдшер скорой по гостевому пропуску.

— Где сейчас Хабиров?

Рябов поднял внутренний телефон.

— В цех позвоню.

— Спросите мастера, находится ли Хабиров на рабочем месте. Не говорите про Левина и не зовите самого Хабирова к трубке.

Пока охранник набирал номер, Андрей ещё раз посмотрел на строку. Карта вошла в двадцать одну пятьдесят три через северную проходную. Затем был один внутренний турникет в двадцать два ноль семь. Выход — в два семнадцать здесь. Цифры создавали аккуратную дорожку через ночь. Человек пришёл на смену, дошёл до цеха, отработал половину и вышел. Если Левин умер около часа назад, этот человек был внутри заводского забора.

Рябов прикрыл ладонью трубку.

— Захарченко говорит, Хабиров у шестого пресса. Гидравлику собирает. Отойти не мог, там наряд на троих.

Седых усмехнулся без радости:

— Значит, карту кому-то дал покурить. За такое лишают премии.

— Пусть мастер ничего ему не говорит, — сказал Андрей. — И попросите никого из бригады не отпускать до приезда следователя. Под благовидным предлогом. Проверка инструмента, например.

— Они и так до шести.

— Тогда просто ничего не меняйте.

Андрей попросил вывести историю карты Хабирова за неделю. Она появлялась ровно по графику: вход перед сменой, внутренний турникет, столовая, выход. Вчера человек опоздал на семь минут. Три дня назад выходил через центральную. Сегодняшняя строка ничем не выделялась, кроме времени и близости к мёртвому мастеру.

— Левин мог пройти без отметки? — спросил Андрей.

— Мог на машине с начальником, — сказал Седых. — Мог через центральную. Его здесь все знали. Но вообще карта у него есть.

Поиск по фамилии показал вход Левина в девятнадцать сорок две через центральную проходную. Выхода не было.

— Он должен был быть здесь вечером?

— Складской день до восьми, — ответил Седых. — Если зашёл без двадцати восемь, значит, за чем-то вернулся.

Андрей отметил время. Между появлением Левина и началом ночной смены оставалось одиннадцать минут. Достаточно, чтобы открыть склад. Недостаточно, чтобы понять, зачем дневной мастер приехал обратно в морозный вечер.

На проходной зазвонил городской телефон. Седых снял трубку, послушал и протянул её Андрею.

— Дежурный директор.

Мужчина представился Олегом Романовичем Беловым и сразу потребовал не останавливать цех. Андрей объяснил, что решения о работе предприятия пока никто не принимал, но коридор возле склада будет закрыт.

— Там утром вывоз, — сказал Белов. — Машина под погрузку в семь. Если ваши ленты перекроют ворота, мы сорвём договор.

— Что вывозите?

На том конце возникла короткая пауза.

— Отходы цветного металла. По накладной. Это к делу отношения не имеет.

— До осмотра машина не войдёт.

— Вы участковый, насколько я понимаю?

— Правильно понимаете. Следователь будет через полчаса. С ним и согласуете.

Белов положил трубку первым.

Седых смотрел в журнал.

— Закрывают нас, — сказал он. — Ремонтный цех первым. Тут каждый день как последний, поэтому все нервные.

— Левин тоже нервничал?

— Он был не из нервных. Он был из тех, кто записывает.

— Что записывает?

— Всё. Кто сколько получил, кто опоздал, кто у кого ключ взял. С ним спорить бесполезно: он через месяц тетрадь откроет и скажет, что ты семнадцатого числа в три десять обещал.

— Тетрадь при нём была?

— Чёрная, на резинке. Всегда носил.

Андрей мысленно вернулся к телу. Телефон, бумажник, ключи, колпачок ручки. Тетради он не видел.

— Вы уверены?

— Я его с ней десять лет знаю.

— Никому пока об этом не говорите.

Снаружи послышался автомобиль. К проходной подъехала тёмная служебная машина, из неё вышли следователь, эксперт и двое оперативников. Андрей встретил их у калитки, коротко передал, что сделано, назвал дорожку, по которой ходили, разницу заводских часов и телефона, отсутствие камеры у склада. Следователь, капитан Светлана Грачева, слушала, застёгивая белый комбинезон поверх куртки.

— Свидетелей разделил?

— Охранники в одной будке. Обнаруживший уже записывает объяснение. Бригада пока в цехе. Есть вход Левина в девятнадцать сорок две без выхода. Карта слесаря Хабирова вышла здесь в два семнадцать, но мастер утверждает, что сам Хабиров всё время собирает пресс в цехе.

— Камера?

— Только проходная. У склада месяц не работает.

— Прекрасно, — сказала Грачева. — На заводе с тысячей работников одна полезная камера, и та смотрит людям на шапки.

Она пошла к складу с экспертом. Андрей остался с оперативником и Рябовым, чтобы сохранить записи системы доступа. Программист комбината отвечал сонно и сначала предлагал прислать таблицу утром. После разговора с Грачевой согласился приехать. До его появления Андрей сделал последовательные фотографии всех строк и записал номера карт.

В два пятьдесят шесть Рустам Хабиров всё ещё числился внутри, хотя его карта почти сорок минут считалась вышедшей.

Оперативник по фамилии Шаров предложил сразу привести слесаря.

— Подождём, пока Грачева осмотрит, — сказал Андрей. — Если он не знает о смерти, увидим рабочее место как есть.

— А если сбежит через забор?

— Его карта уже сбежала.

Шаров посмотрел на него, решая, шутка это или упрямство новичка. Андрей не стал объяснять. Он сам ещё не понимал, почему строка на экране тревожила его сильнее, чем отсутствие тетради. Возможно, потому что строка казалась безупречной. В ней не было ни сомнения, ни человеческого голоса. Только фамилия, ворота и точное время.

Грачева вернулась в три двадцать. На белом комбинезоне у колен серела снежная грязь.

— Похоже на удар тяжёлым узким предметом, но причину подтвердят после вскрытия. Тело, вероятно, перемещали на несколько метров. У сетки есть волокно и борозда. В карманах ключи, деньги, телефон. Чёрной тетради нет. Ты говоришь, всегда носил?

— Так утверждает Седых.

— Проверим. Теперь цех.

До ремонтного корпуса они шли по крытому переходу. Металлические ступени звенели под ногами. За матовыми окнами вспыхивала сварка. Внутри пахло горячей сталью, ветошью и крепким чаем. Люди работали в одинаковых робах с отражающими полосами; лица скрывали шапки, щитки, поднятые воротники. Андрей впервые ясно подумал, что карта на проходной знала о человеке меньше, чем его походка.

Начальник смены Захарченко встретил их у шестого пресса. Рядом на настиле лежали детали разобранного гидроузла, каждая на своём куске картона. Трое рабочих стояли вокруг открытого корпуса. Один держал фонарь, второй очищал паз, третий сверял номера на бумаге.

— Хабиров кто? — спросила Грачева.

Мужчина у бумаги поднял голову. Ему было чуть за сорок, нос сломан когда-то давно, на щеке тёмная полоса машинного масла.

— Я. А что случилось?

— Отойдём поговорить.

— У нас сборка.

— Теперь перерыв.

Хабиров снял перчатки и положил их на верстак. Под ними оказались тонкие хлопчатобумажные перчатки, тоже грязные. Он не выглядел человеком, который только что пришёл с мороза: лицо блестело от жара, волосы у висков были мокрыми.

Грачева назвала Левина. Хабиров замер на секунду, потом спросил:

— Насмерть?

— Да. Когда вы видели его в последний раз?

— В понедельник на планёрке. Он к нашей смене не имеет отношения.

— Ваша карта вышла через третью проходную в два семнадцать.

Хабиров посмотрел сначала на неё, потом на Андрея.

— Не могло быть.

— Почему?

— Потому что я отсюда не уходил. С десяти вечера разбираем пресс. Спросите их.

Он кивнул на двух рабочих. Те уже перестали делать вид, что заняты инструментом.

— Карта при вас?

Хабиров похлопал по нагрудному карману, затем по боковому. Движения стали резкими. Он раскрыл шкафчик у стены, вывернул карманы куртки и достал связку ключей, пачку сигарет, смятую квитанцию.

— Была в робе. Я в столовую ходил перед полуночью, проходил внутренний турникет.

— Кому давали?

— Никому.

— Кто мог взять?

— Да никто. Здесь чужих нет.

Захарченко вмешался:

— Рустам с двадцати двух ноль десять на моих глазах. Мы гидролинию снимали. Потом он с Кругловым под насосом лежал. В половине второго чай пили. С двух опять сборка. Наряд закрывается по операциям, всё записано.

— В два семнадцать видели его?

Начальник смены нахмурился.

— Минуту в минуту не скажу. Но работа не останавливалась.

— На сколько он мог отойти незаметно?

— До туалета — на пять минут. До третьей проходной и обратно не успеть. Здесь через весь завод.

Один из рабочих, пожилой мужчина с ожогом на рукаве, сказал:

— Мы втроём крышку поднимали. Она сто двадцать килограммов. Без него не подняли бы.

— Во сколько?

— После двух. Точное время в наряде.

Захарченко достал планшет с зажимом. На листе стояли номера операций и подписи. Напротив «установка крышки гидроблока» было написано: 02:12–02:26. Ниже расписались трое рабочих и начальник смены.

Грачева сфотографировала лист.

— Оригинал изымаем.

— Это производственный документ, — начал Захарченко.

— Поэтому и изымаем. Сделаете заверенную копию для работы.

Андрей смотрел на подписи. Четыре человека подтверждали, что Хабиров находился у пресса именно тогда, когда его карта проходила через третью проходную. Не просто вспоминали после вопроса — они записали операцию по ходу смены. У алиби были время, тяжёлая крышка и четыре пары рук.

— Рабочие места закреплены? — спросил он.

— Конечно, — сказал Захарченко. — Допуски, разряды. Тут с улицы не поставишь человека.

— А в одинаковой робе легко перепутать двоих?

Начальник смены посмотрел на него с обидой.

— Я своих людей по спине узнаю.

Хабиров стоял у открытого шкафчика. На нижней полке лежала кружка с коричневым ободком, две пары грубых рабочих перчаток и пакет сахара. Андрей отметил это машинально, не придавая значения. Сейчас важнее была карта.

— Когда обнаружили, что её нет? — спросил он.

— Только сейчас.

— После столовой доставали?

— Нет. Зачем она здесь?

— Значит, с полуночи вы не можете сказать, где карта находилась.

Хабиров сжал челюсть.

— Могу сказать: в кармане. Другое дело, что вы мне не верите.

— Я пока проверяю.

Это прозвучало спокойнее, чем Андрей себя чувствовал. В Крутояре его всё ещё называли новым участковым, иногда — присланным. Мартынов знал, кто с кем учился, чей отец строил котельную и почему охранник Седых не разговаривает с начальником гаража. Андрей знал улицы, номера домов и папки с жалобами. Завод оставался городом внутри города, со своими воротами, родственниками и долгами.

Грачева распорядилась опросить всех троих отдельно и изъять запись наряда. Хабиров должен был проехать в отдел после окончания первичных действий. Он не спорил. Только попросил разрешить ему закончить крепление, чтобы открытый узел не повело.

— Другой закончит, — сказала Грачева.

Когда его увели в комнату мастеров, Андрей задержался у верстака. На картоне лежали болты, покрытые свежей смазкой. Один рабочий очищал их, другой держал фонарь. Работа действительно шла. Нельзя было собрать её задним числом за несколько минут, как нельзя было заставить тяжёлую крышку запомнить не те руки.

— Андрей Сергеевич.

Он обернулся. У входа стоял Евгений Мартынов, старший участковый. В расстёгнутом полушубке, с инеем на усах, он выглядел так, будто пришёл не из дома, а из другой зимы.

— Дежурный поднял, — сказал Мартынов. — Левин?

— Левин. У склада. Карта Хабирова вышла в предполагаемое время, а сам Хабиров по наряду и свидетелям здесь.

Мартынов посмотрел на открытый шкафчик, на людей у пресса и на лист в прозрачном пакете у оперативника.

— Заводские бумаги, — сказал он. — Здесь ими подпирают всё, что шатается.

— Четыре подписи.

— Значит, шатается сильно.

Андрей ожидал усмешки, но Мартынов был серьёзен. Он подошёл к Захарченко, поздоровался по имени и спросил, кто сегодня принимал смену. Начальник ответил сразу. Потом

Мартынов перечислил две фамилии, и Захарченко поправил его только в одной букве. Вот чего не хватало Андрею: старший участковый разговаривал с заводом на языке родства и памяти.

К четырём утра тело увезли, коридор у склада опечатали, журнал проходной и выгрузку системы доступа изъяли. Вывоз отходов перенесли. Над трубами начал сереть воздух, хотя до рассвета оставалось далеко.

Перед отъездом Андрей ещё раз встал у монитора третьей проходной. Строка Хабирова теперь была распечатана и лежала в пакете, но на экране продолжала занимать обычное место между уборщицей и начальником смены.

Вход — 21:53.

Внутренний турникет — 22:07.

Выход — 02:17.

У шестого пресса лежал наряд: установка крышки с 02:12 до 02:26. Четыре подписи. Андрей мог представить, как потом эту простую связку перескажут в кабинете: карта ошиблась или картой воспользовался кто-то другой; Хабиров был на рабочем месте; к смерти Левина отношения не имеет.

Только система не ошибалась. Она честно записала, что пластмассовый прямоугольник коснулся считывателя.

Кто держал его в руке, она не знала.

Глава 2. Безупречный табель

К шести утра у алиби Рустама Хабирова появилось больше свидетелей, чем у смерти Бориса Левина.

Андрей разложил на столе комнаты мастеров четыре чистых листа. За стеной ремонтный цех гремел уже без ночной осторожности: пришла дневная смена, люди перекликались, двигали тележки, хлопали железными шкафчиками. Запах горячего масла смешался с запахом дешёвого кофе из автомата. Светлана Грачева отвела Хабирова в бывший кабинет нормировщика, а Андрею поручила разобраться с теми, кто подписал наряд.

— По одному, — сказала она. — И не спрашивай сразу, видели ли они Хабирова. Сначала пусть расскажут работу. Люди охотно подтверждают фамилию, когда она уже прозвучала.

Первым вошёл начальник смены Николай Захарченко. Без каски он казался ниже и старше. На лбу осталась красная полоса от ремня, в волосах белела металлическая пыль.

Андрей попросил его нарисовать шестой пресс и отметить, где кто стоял с двух часов до половины третьего. Захарченко недовольно посмотрел на пустой лист.

— Я вам уже сказал: крышку ставили.

— Теперь покажите как.

Начальник нарисовал прямоугольник, сбоку добавил кривой овал гидроблока и три кружка. Себя поставил у пульта тали, Круглова — со стороны маслопровода, Белова — у направляющих, Хабирова — у дальнего угла.

— Если их было трое рабочих, почему кружков три?

Захарченко пересчитал и дорисовал четвёртый.

— Я себя не считаю. Я на кнопке был.

— Кто подавал команды?

— Рустам. Оттуда зазор видно. Сначала выбрали цепь, потом он крикнул: «Стоп, правый край сел». После этого Белов болт наживил.

— Какая была команда перед остановкой?

— «Майна помалу». Обычная.

— Кто расписался первым?

— Я. Нет, Рустам. Лист на верстаке лежал, он время записал, потом ребята, потом я закрыл операцию.

— По часам или по памяти?

— По часам над воротами.

Андрей записал: заводское время. Те самые три минуты отставания. В наряде стояло 02:12–02:26, значит, по его телефону работа шла с 02:15 до 02:29. Карта прошла турникет в заводские 02:17, то есть в телефонные 02:20. Расхождение не исчезало, наоборот, попадало в самую середину подъёма.

— Во что был одет Хабиров?

— В робу.

— Какого цвета шапка?

— Тёмная. У всех тёмные.

— Лицо видели?

Захарченко помолчал.

— Конечно. Я с человеком смену работаю.

— Когда именно?

— Когда чай пили. После половины первого.

— А во время подъёма?

— Там не лица рассматривают. Там пальцы берегут.

Начальник сказал это резко, но Андрей услышал не уклонение, а привычку. На опасной работе человек следит за железом, а не проверяет соседу паспорт.

Вторым пришёл Виктор Круглов, пожилой слесарь с прожжённым рукавом. Он нарисовал пресс точнее, обозначил цепи, упоры и даже место, куда положили деревянную проставку. Людей он расположил почти так же, только Хабирова поставил у пульта, а Захарченко — у дальнего края.

— Кто командовал талью?

— Коля, — сказал Круглов. — Захарченко то есть.

— С какого места?

— От пульта.

— А Хабиров?

— Подсказывал, где край сел.

— Вы его видели?

— Рядом стоял.

— Лицо?

Круглов потёр серую щетину.

— Щиток поднят был. Или шапка низко. Слушайте, чего вы цепляетесь? Рустам это был. Он перед подъёмом ещё Белова обругал: тот проставку сырую принёс.

— Какими словами?

— Нормальными заводскими. В бумагу не надо.

— Смысл.

— Сказал, что мокрую доску под крышку только Белов мог сунуть. И велел сухую взять у сварочного поста.

Этот эпизод не был записан в наряде. Андрей отметил его отдельно. Придуманное сообща алиби обычно держится за одну формулировку; здесь люди помнили разное и спорили о местах. Работа была настоящей.

— Кто внёс время?

— Рустам. Он у нас с бумагами аккуратный.

— Видели, как писал?

— Видел спину у верстака. Потом подписался в своей строке.

— Свою подпись узнаёте?

Круглов посмотрел на фотографию наряда и сразу ткнул в нижнюю из рабочих подписей.

— Вот моя.

Подпись стояла рядом с фамилией Круглова. Две другие рабочие строки занимали Хабиров и молодой слесарь Сергей Белов. Четвёртая принадлежала Захарченко. Пять подписей, обещанные планом смены, нашлись не на одном листе: пятая стояла в электронном табеле приёма работы у диспетчера. Андрей попросил пока её не подсказывать следующим свидетелям.

Сергей Белов вошёл настороженный, с мокрыми после умывания волосами. Он не стал рисовать пресс, пока Андрей не объяснил, что художественных способностей не проверяют.

— Я у направляющей был. Круглый — с другой стороны. Рустам краном не управлял, он цепь страховал.

— Круглый — это Круглов?

— Да. Мы его так зовём.

— Кто принёс проставку?

Белов покраснел.

— Я. Не ту сначала взял.

— Кто заметил?

— Рустам.

— Вы видели его лицо?

— Когда орал — видел.

— Он был в маске?

— В вязаной шапке и очках. Очки прозрачные. Потом снял, запотели.

— Что у него было на руках?

— Перчатки.

— Какие?

— Серые. Нет, верхние брезентовые, под ними тонкие. Он верхние снял, когда наряд заполнял.

— Какой рукой писал?

— Правой.

Андрей впервые поднял взгляд от блокнота. Савин, чьё имя пока не прозвучало ни в одном опросе, в фактах существовал только как будущая разгадка. Нельзя было подгонять свидетелей под неё. Сейчас перед ним был молодой рабочий, уверенно описавший прозрачные очки, две пары перчаток и правую руку.

— Во сколько вы закончили?

— В две двадцать шесть. В наряде же есть.

— Откуда взялось время?

— Рустам на часы посмотрел.

— Вы сами смотрели?

— Нет. Подписал, когда уже болты наживили.

— Сколько прошло между установкой крышки и вашей подписью?

— Минут пять. Может, семь.

— Тогда почему окончание стоит до подписи?

Белов пожал плечами.

— Там окончание операции, не время автографа. Мы же не на бегах.

Именно такие мелочи делали документ убедительнее и слабее одновременно. Он точно сообщал, что тяжёлая крышка встала на место. Он не доказывал, в какую секунду каждый человек взял ручку и чей голос назвал время.

После Белова Андрей позвал диспетчера смены Аллу Руденко. Она подписывала электронный табель не рукой, а личным кодом. К шести утра её экран показывал: Хабиров Р. Ф., явка 21:53, рабочее место №6, четыре с половиной часа фактической работы, замечаний нет.

— На каком основании вы подтвердили работу? — спросил Андрей.

— Закрытая операция, отметка мастера и расход материалов. Всё сошлось.

— Самого Хабирова видели?

— В начале смены видела у столовой. Ночью — по камере цеха.

— Камера сохраняет запись?

— Эта — нет. Только картинка на посту. Архив у нас урезали весной.

— Во сколько смотрели?

— Когда крышку поднимали. Я слежу, чтобы таль не брали одновременно два участка. Примерно в два пятнадцать.

— Что увидели?

— Четверых возле пресса.

— Хабирова узнали?

— Кто же ещё? Там его бригада.

— Лица на картинке различимы?

Руденко сняла очки и протёрла их краем халата.

— Лица там размером с пуговицу. Но людей четверо, операция закрыта, мастер подтвердил. Вы хотите, чтобы я сказала, будто работа не сделана? Она сделана.

— Я хочу понять, что именно подтверждает ваша подпись.

— Результат и часы.

— Не личность рабочего?

— Личность подтверждает пропускная система.

Круг замкнулся так чисто, что Андрей несколько секунд ничего не говорил. Проходная подтверждала карту. Табель подтверждал работу. Диспетчер считала, что личность подтверждает проходная. Начальник видел знакомую бригаду и не смотрел в лица. Каждый документ был честен в своих узких пределах, но вместе они рассказывали больше, чем знал любой из подписавших.

Грачева вошла, когда Руденко уже собиралась уходить.

— Хабиров говорит, карта выпала в раздевалке. Доступ к шкафчику был у всей смены, замок сломан с прошлой недели. О смерти узнал от нас. Телефон оставлял в куртке, звонков ночью нет. Что у тебя?

Андрей передал ей рисунки и кратко изложил показания.

— Значит, алиби крепкое, — сказала Грачева.

— Работа крепкая. Насчёт фамилии пока только привычка.

— Четыре человека называют Хабирова.

— Трое видели фигуру в робе у пресса. Один видел его лицо раньше, во время чая. Белов уверяет, что видел лицо при подъёме, но одновременно говорит про шапку и запотевшие очки. Диспетчер видела четыре пуговицы на экране. Пятая подпись подтверждает результат.

Руденко задержалась у двери.

— Вы так любого человека можете отменить, — сказала она. — Он отработал ночь, железо стоит на месте, все его знают, а вы говорите — фигура.

— Я никого не отменяю, — ответил Андрей. — Я разделяю то, что вы видели, и то, что решили.

Она ушла, не попрощавшись.

Грачева положила рисунки один на другой. Положения людей не совпали, но порядок действий совпадал почти полностью: сырая проставка, сухая доска, подъём, остановка, болты, наряд. Выдумать это после смерти Левина за короткое время было трудно.

— Время смерти эксперт сузит не раньше дня, — сказала она. — Пока от часа ночи до двух двадцати. Если Хабиров действительно был здесь хотя бы после двух, он мог встретить Левина раньше.

— Мог. Но карта вышла в разгар работы. Кто-то взял её не случайно.

— Или Хабиров сам отдал, чтобы создать видимость выхода.

— Тогда зачем? Его алиби и без выхода держится на бригаде.

— Может, человек с картой должен был сделать что-то снаружи.

Андрей посмотрел на часы над дверью. Они показывали 06:11. Телефон — 06:14. Три минуты, одинаково потерянные всеми заводскими бумагами.

— Нужно восстановить хронометраж не по записям одного времени, — сказал он. — Пуск тали, расход электричества, внутренний телефон, выдача инструмента. Всё, что отмечалось независимо.

Они пошли к шестому прессу. Дневная бригада уже обтягивала крышку болтами. Грачева попросила остановиться и позвала эксперта. Тот осмотрел свежие следы на гайках, смазку, отпечатки на окрашенном металле. Поднять и поставить такую крышку действительно можно было только талью и несколькими людьми. На цепи оставалась свежая светлая полоса, на деревянной проставке — глубокий полукруглый след.

Энергетик принёс журнал нагрузки. В заводские 02:13 таль шестого пролёта включилась, в 02:19 остановилась, в 02:21 заработала ещё на сорок секунд. Кладовщик показал запись о выдаче двух длинных болтов в 02:08 на фамилию Белова. В 02:31 мастер позвонил диспетчеру и сообщил, что крышка установлена.

Внешняя рамка наряда выдержала проверку. Более того, независимые отметки сделали её почти безупречной.

Хабирова привели обратно к прессу, чтобы эксперт сфотографировал его рабочую одежду. Он выслушал перечисление времени с усталой злостью.

— Я вам с самого начала сказал, где был.

— Сказали, — ответил Андрей.

— Тогда карту ищите у того, кто украл. А не делайте из меня привидение.

— Кто знал, что замок шкафчика сломан?

— Все.

— Кто знал, где лежит карта?

— Я думал, она в кармане робы.

— Роба была на вас.

Хабиров на секунду задержал взгляд на Андрее.

— Запасная. В шкафчике висит старая. Карта могла остаться там после столовой. Я переодевался: рукав маслом залило.

Этого раньше он не говорил. Грачева сразу спросила, где старая роба. Хабиров указал на нижний крючок. Там висела куртка с мокрым тёмным рукавом. В карманах карты не оказалось.

— Кто видел, как вы переодевались?

— Никто. В раздевалке один был.

— Во сколько?

— Около полуночи.

Он произнёс это без торопливости, словно добавлял не новую щель в рассказе, а ненужную подробность. Андрей записал время. Карта вошла через внутренний турникет до полуночи, а после могла остаться в любой из двух курток.

На верхней полке шкафчика стояла кружка с засохшим чайным ободком. Рядом лежал пакет сахара, закрученный резинкой, и две пары грубых перчаток: одна почти новая, другая стёртая на больших пальцах. Андрей не стал трогать вещи. Глава о них наступит позже, если они окажутся не просто заводским беспорядком.

У выхода из цеха их догнал Мартынов. Он держал два бумажных стакана и протянул один Андрею.

— Табель победили?

— Пока табель победил нас.

— Значит, честный табель.

— Честнее людей. Он не врёт, просто отвечает не на тот вопрос.

Мартынов отпил кофе и посмотрел через стекло на Хабирова. Тот стоял между Грачевой и экспертом, тяжёлый, испачканный, вполне настоящий.

— В Крутояре, — сказал Мартынов, — если четыре человека подписали, что ночь была днём, утром солнце обязано взойти.

— Они не говорят, что была днём. Они говорят, что крышку поставили.

— А фамилия сама приклеилась?

— Фамилию принёс табель. Табелю её дала карта. Карту в это время вынесли через третью проходную.

Мартынов помолчал, глядя в стакан.

— Тогда ищи человека между фамилией и работой.

Фраза была точной. Андрей хотел спросить, кого старший участковый имеет в виду, но из коридора позвала Грачева: пришли первые сведения по телефону Левина. Последний исходящий вызов был сделан вечером жене. Последний входящий — в 01:46 с заводского номера без закреплённого кабинета.

Андрей поставил недопитый кофе на подоконник.

К семи утра у Хабирова были четыре рукописные подписи, пятая электронная, подъём тяжёлой крышки, след тали, выданные болты и звонок мастера диспетчеру. Всё это доказывало, что работа состоялась именно тогда, когда карта Хабирова вышла с завода.

Ни один предмет не умел назвать человека, который её выполнил.

Глава 3. Три ложки сахара

В раздевалке пахло мокрой шерстью, железной пылью и дешёвым мылом. К началу дневной смены здесь стало тесно, но люди старались обходить шкафчик Хабирова так, словно вокруг него натянули невидимую ленту.

Настоящую ленту эксперт всё-таки натянул. Красно-белая полоса прошла от скамьи до батареи и сразу сделала обычный угол раздевалки местом, на которое нельзя смотреть без подозрения.

Рустам стоял у двери. Его не задержали, но и уйти не разрешили. Он успел умыться, переодеться в чистую куртку и теперь казался старше, чем у пресса. Серое лицо, припухшие веки, на подбородке порез от торопливого бритья.

— Вы говорили, карта могла остаться в старой робе, — напомнила Грачева.

— Могла. Не осталась же.

— Кто ещё открывал шкафчик?

— Кто хотел, тот и открывал. Замок для красоты.

Эксперт Сергей Колесников присел перед дверцей. Язычок замка действительно не держал: металл вокруг прорези был выгнут, на краске лежали старые царапины. Свежего скола не было. Шкафчик взломали не этой ночью.

— Когда сломался? — спросил Андрей.

— Во вторник, кажется. Ключ повернул, а он внутри застрял. Я дёрнул.

— Кому сказали?

— Начальнику сказал. Новый замок со склада обещали. У нас теперь всё обещают после закрытия цеха.

Хабиров усмехнулся, но никто не поддержал.

Колесников фотографировал каждую полку до того, как прикоснуться. На верхней стояла эмалированная кружка с синей каёмкой. Рядом — пакет сахара, стянутый красной резинкой, коробок спичек и смятый чек из заводского буфета. На среднем крючке висела чистая куртка, на нижнем — промасленная. Внизу лежали ботинки и две пары рабочих перчаток.

— Всё ваше? — спросила Грачева.

— Моё.

— Обе пары?

— На заводе перчатки не женятся. Сегодня твои, завтра кто-то унёс.

— Вы сказали «моё».

— Потому что в моём шкафчике.

Грачева посмотрела на Андрея. Он понял вопрос без слов: простая неряшливость или заранее оставленная возможность отказаться от любой вещи.

Колесников достал кружку в перчатках и поставил на чистый лист. На дне темнел высохший чай. Сахарных кристаллов по краям не было, но Андрей не собирался строить вывод по тому, что могло раствориться.

— Когда пили из неё последний раз? — спросил он.

— Ночью.

— Во сколько?

— До работы с крышкой. В половине второго, может.

— Один?

— С бригадой.

— Что пили?

— Что в кружке, то и пил. Чай.

— С сахаром?

Хабиров впервые ответил не сразу.

— Наверное.

— Вы не помните?

— Товарищ участковый, у нас человек умер. Вы хотите, чтобы я считал ложки?

— Пока хочу знать, кто пользовался вашими вещами.

— Я пользовался.

Колесников раскрыл пакет. Внутри лежала алюминиевая чайная ложка с погнутой ручкой. Эксперт отдельно упаковал её, пакет и кружку. Хабиров следил за его руками и раздражался всё заметнее.

— Отпечатки найдёте, — сказал он. — Мои найдёте. И что?

— Если только ваши, будет один ответ, — сказала Грачева. — Если чужие — другой.

— Тут полцеха чай пьёт из чужих кружек.

— Только что вы сказали, что ночью пили вы.

— Я и пил.

Андрей отошёл к окну. За запотевшим стеклом серело утро. Между корпусами тянулись люди дневной смены, одинаковые в тёмных куртках. На расстоянии двадцати шагов лица исчезали. Оставались походка, рост и привычки — то, что коллеги принимали за личность, пока не приходилось отвечать отдельно за каждую примету.

В дверь заглянул Николай Круглов.

— Круглый, стой, — окликнул его Хабиров. — Скажи им, мы ночью вместе чай пили.

Круглов остановился так резко, будто его поймали на попытке пройти мимо.

— Пили, — сказал он.

— Где? — спросил Андрей.

— В комнате мастеров. Перед крышкой.

— Из чего Хабиров пил?

— Из своей кружки.

— Кто заваривал?

— Да кто-то заварил. Там чайник общий.

— Кто положил сахар?

Круглов перевёл взгляд на Хабирова.

— Рустам сам всегда кладёт.

— Сколько?

— Три.

Ответ вышел слишком быстрым для подсказки. Хабиров тихо выругался.

— Всегда три? — уточнил Андрей.

— Всегда. У него не чай, а сироп. Мы ещё смеёмся: ложка стоит.

— Ночью видели, как он положил три?

— Не смотрел. Сидел рядом, пил.

— Человек был без шапки и очков?

— В шапке. У нас в комнате мастеров окно сифонит. Очки снял, на стол положил.

— Лицо видели?

Круглов начал отвечать и запнулся.

— Видел. Ну... сидел напротив.

— Опишите, что делал этот человек.

— Чай пил. Молчал. Потом Захарченко пришёл, сказал про крышку.

— Он ел что-нибудь?

— Нет.

— Разговаривал?

— Сказал, что проставка сырая. Или это потом было.

Андрей записал. Круглов помнил место, шапку и слова о работе. Лица в его рассказе опять не было. Оно появлялось только после прямого вопроса.

— Кружку после чая кто унёс? — спросила Грачева.

— Рустам, наверное.

— Видели?

— Нет.

— А сейчас она в шкафчике.

— Значит, унёс.

Хабиров развёл руками, будто свидетель наконец доказал очевидное.

— Чай оставался? — спросил Андрей.

Круглов нахмурился.

— Оставался. Он сделал глотка два и поставил. Я ещё спросил: остыл, что ли? Он головой мотнул.

— Почему не допил?

— Захарченко позвал.

— Вы пробовали его чай?

Теперь Круглов посмотрел на Андрея с настоящим недоумением.

— Зачем?

— Например, перепутали кружки.

— Нашли что спрашивать. Я без сахара пью. После Рустама у меня зубы сводит.

Колесников поднял глаза от пакетов.

— Здесь сахаром не пахнет, — сказал он. — Но запах — не исследование.

— Можно проверить остаток? — спросил Андрей.

— Если сохранилось достаточно. В лаборатории посмотрят состав смыва. Не ждите чуда: кружку могли ополоснуть, сахар растворяется, чай высох. Но приблизительно понять можно.

— Я её не мыл, — сказал Хабиров.

— Почему?

— Потому что работал. Потом вы пришли.

Круглова отпустили не сразу. Андрей попросил его отдельно описать всех, кто сидел за столом. Круглов назвал Белова, себя, Хабирова и электрика из соседней бригады. Электрик, по его словам, ушёл первым. Белов прибежал позже, взял кипяток и почти не задержался.

— Кто-нибудь мог перепутать кружки? — спросил Андрей.

— У Рустама одна эмалированная. У нас стеклянные и пластиковые. Не перепутаешь.

— Кто знал, что он кладёт три ложки?

— Все знают.

Это обесценивало примету как тайный знак и одновременно делало её полезной. Человек, который изображал Хабирова, мог знать привычку. Мог забыть. Мог не захотеть сладкого. Пока существовали все три объяснения.

После Круглова позвали Сергея Белова. Он подтвердил чай, но самого чаепития почти не видел. В комнату мастеров вошёл за кипятком, когда трое уже собирались вставать.

— Рустам держал кружку? — спросил Андрей.

— Перед ним стояла.

— Он пил?

— Не видел.

— Сахар клал?

— Он всегда три ложки кладёт.

— Я спрашиваю про эту ночь.

Белов смутился.

— Про эту не видел.

— Что он делал руками?

— Перчатки натягивал. Тонкие серые, потом верхние.

— Перед чаем?

— После. Наверное, после. В перчатках чай не пьют.

— Какие верхние?

Колесников показал обе пары, не вынимая из прозрачных пакетов. Первая была из плотного серого спилка, почти новая, с красной окантовкой. Вторая — старая брезентовая, вытертая на больших и указательных пальцах, с тёмным пятном у манжеты.

Белов указал на старую.

— Эти.

— Уверены?

— У него пятно там. Я ещё подумал, что он переоделся, а грязные перчатки опять надел.

Хабиров резко повернулся к нему.

— Ты ночью пятна разглядывал?

— Сам спросили — отвечаю.

— У всех пятна.

— На этих у манжеты, — упрямо сказал Белов.

— Человек натягивал их как обычно? — спросил Андрей.

— А как можно необычно натянуть перчатки?

— С какой руки начал?

Белов закрыл глаза, пытаясь вернуть движение.

— С правой. Нет, правой рукой тянул левую. Значит, с левой.

— Это важно?

— Пока не знаю.

Хабиров фыркнул.

— Скоро спросите, с какой ноги я штаны надеваю.

— Если кто-то работал в ваших штанах, спрошу.

В раздевалке стало тихо. Белов отвёл взгляд. Хабиров шагнул к Андрею, но Грачева встала между ними без резкого движения.

— Повторите, — сказал Хабиров.

— Ваша карта прошла через турникет, когда возле пресса работал человек, которого назвали вашей фамилией. Мы выясняем, был ли это один и тот же человек.

— Четверо видели меня.

— Четверо видели работу.

— Значит, вы уже решили.

— Если бы решил, не спрашивал бы про чай.

Хабиров смотрел ещё секунду, потом отступил.

Грачева велела Белову ждать в коридоре и спросила Хабирова о перчатках. Тот сказал, что новые выдали в понедельник, но они натирали костяшки, поэтому он продолжал носить старые. Обе пары были его. Потом поправился: новые точно его, старые могли остаться от прежнего владельца шкафчика.

— Кто был прежним владельцем? — спросила она.

— Не помню.

— Четыре часа назад обе пары были ваши.

— Я сказал: что в шкафчике, тем пользуюсь. Бумаги на каждую тряпку нет.

Андрей присел возле пакетов. У новых перчаток пальцы лежали ровно. Старые, даже снятые, сохраняли изгиб ладони. Правая была шире растянута у основания большого пальца, левая — сильнее протёрта сбоку указательного. На правой манжете шариковой ручкой стояла короткая чёрная черта, похожая на половину буквы.

— Это ваша метка? — спросил он.

Хабиров наклонился.

— Не моя.

— Раньше видели?

— Нет.

— Но перчатки ваши?

— Старые перчатки. Может, Белов сунул. Может, Круглый. Здесь сушилка общая.

Колесников повернул пакет. С внутренней стороны манжеты обнаружилась вторая черта. Вместе они могли составлять букву «П», но ткань была сложена, а чернила расплылись. Эксперт ничего не стал угадывать и записал только: две линии чёрного цвета.

— Снимки ваших рук нужны, — сказала Грачева. — И образцы отпечатков, если добровольно.

— Я уже давал на проходной десять лет назад.

— Там рисунок пальца для доступа, а не материал дела. Добровольно дадите сейчас?

— Дам. Чтобы вы закончили этот цирк.

Пока Колесников снимал отпечатки, Андрей попросил разрешения осмотреть комнату мастеров. Хабиров остался с Грачевой.

Комната находилась в конце галереи над цехом. Через грязное окно были видны шестой пресс и жёлтая таль. На столе стояли четыре кружки, электрический чайник и банка растворимого кофе. Сахар держали в большой жестяной коробке из-под печенья. Ложка лежала сверху.

Дежурная уборщица уже протёрла стол, но мусорное ведро ещё не вынесла. В нём лежали чайные пакетики, пластиковые стаканы, кожура от мандарина и обрывок бумажной салфетки. Андрей не стал копаться сам. Он закрыл дверь и вызвал Колесникова.

— Если тот чай заваривали здесь, зачем человек унёс кружку в шкафчик недопитой? — спросила подошедшая Грачева.

— Чтобы она оказалась там, где должна быть кружка Хабирова.

— Или Хабиров унёс свою кружку, потому что всегда так делает.

— Тогда почему не положил сахар?

— Мы ещё не знаем, что не положил.

— Круглов говорит, после двух глотков человек отказался пить.

— Слишком сладко? — предположила Грачева.

— Или слишком непривычно.

Колесников осмотрел ведро. Среди использованных пакетиков нашёлся один, завёрнутый в салфетку. На салфетке блестели крупинки сахара. Сам по себе сахар ничего не доказывал: его могли рассыпать, смахнуть со стола или высыпать из слишком сладкой кружки.

— Упаковывать? — спросил эксперт.

Грачева кивнула.

— Потом лучше выглядеть смешными из-за салфетки, чем умными без неё.

Андрей открыл ящик стола. Внутри лежали карандаши, изолента, таблетки от изжоги и несколько одноразовых деревянных палочек. На одной засохла коричневая капля. Колесников забрал и её.

В комнату вошёл начальник смены Захарченко. Он увидел пакеты и помрачнел.

— Теперь чай виноват?

— Пока чай свидетель, — сказал Андрей. — Кто его заваривал ночью?

— Не знаю. У нас самообслуживание.

— Хабиров обычно кладёт три ложки?

— Три. Иногда четыре, если злой.

— Ночью он был злой?

— Молчаливый был. Я решил, из-за сокращений.

— Вы видели, как он пил?

Захарченко задумался.

— Когда зашёл, кружка стояла перед ним. Я сказал про пресс. Он встал.

— Что ответил?

— «Сейчас придём».

— Именно так?

— Кажется.

— Голос узнали?

— Голос как голос. Хриплый.

— У Хабирова хриплый голос?

— После смены у всех хриплый. Шум, пыль.

— Он назвал вас по имени?

— Нет.

— Сказал что-нибудь, что мог знать только Хабиров?

Захарченко нахмурился сильнее.

— Я не устраивал ему экзамен. Человек сидел на месте Хабирова, в его куртке, с его бригадой. Вы всё время спрашиваете, почему я не сомневался. А почему я должен был?

— Не должны были, — ответил Андрей. — Поэтому тот, кто рассчитывал на привычку, выбрал хорошее место.

Грачева бросила на него предупреждающий взгляд. Версия ещё не стала фактом, а он произнёс её почти как установленную. Андрей исправился:

— Если рассчитывал.

Захарченко сел на край стола.

— Вы хотите сказать, Рустама ночью не было?

— Я хочу найти человека, который вынес его карту в 02:17.

— А крышку кто ставил?

— Вот это и выясняем.

Начальник смены посмотрел через стекло вниз. Хабирова оттуда не было видно.

— Тогда спросите, кто мог работать вместо сокращённого, — сказал он.

— Что значит «вместо сокращённого»?

Захарченко потёр переносицу.

— Ничего. Оговорился.

— Вы не похожи на человека, который путает предлоги.

— Я тридцать часов не спал.

— Кто мог работать?

— Любой слесарь с допуском к тали.

— Вы сказали про сокращённого.

— Потому что у нас сокращение. Люди хватаются за чужие часы. Один заболел — другой вышел. Потом в табеле меняют. Обычное дело.

— В табеле этой ночи ничего не меняли.

— Значит, не обычное.

Захарченко поднялся и ушёл, прежде чем Андрей успел задать следующий вопрос. Грачева не стала его останавливать в коридоре.

— Сейчас прижмём — он закроется, — сказала она. — А фамилию всё равно даст кадровый список.

— Если список сохранился.

— Кадры любят бумагу сильнее людей.

К девяти утра лаборатория не могла дать результат смыва, зато Колесников провёл простой предварительный тест. Он растворил часть сухого остатка из кружки в дистиллированной

воде и использовал полоску, которая показывала наличие сахаров. Контрольный сладкий чай дал яркое изменение цвета. Смыв из кружки Хабирова — едва заметное, на уровне обычного чайного следа.

— Это не заключение, — повторил эксперт. — Не пишите, что сахара не было совсем. Могли ополоснуть. Могли выпить сладкую часть и оставить слабый остаток. Мог быть заменитель, хотя в пакете обычный сахар. Точно скажут после исследования.

— Но на три ложки не похоже? — спросила Грачева.

— Если кружку не мыли и в ней оставался чай — не похоже.

Хабиров выслушал это, стоя у окна кабинета охраны. Он больше не сердился. Наоборот, стал спокойным.

— Я сахар не положил, — сказал он. — Желудок ночью прихватило.

— Раньше вы не помнили, — заметил Андрей.

— Теперь вспомнил.

— Таблетки принимали?

— Нет.

— В комнате мастеров лежат от изжоги.

— Не мои.

— Кому-нибудь сказали, что болит желудок?

— Я взрослый человек. Не обязан докладывать.

— Круглов спросил, почему не пьёте.

— Не хотел обсуждать.

Объяснение было возможным. Именно поэтому оно раздражало сильнее явной лжи. Человек мог однажды отказаться от привычных трёх ложек, переодеть робу без свидетелей, забыть карту в сломанном шкафчике и не заметить чужие перчатки. Каждая странность отдельно помещалась в обычную жизнь. Только вместе они начинали теснить друг друга.

— Старые перчатки откуда? — спросил Андрей.

— С сушилки взял по ошибке.

— Когда?

— В начале смены.

— Белов видел их на человеке после чая.

— Значит, на мне видел.

— На манжете две чёрные линии. Не ваша метка.

— Не моя.

— Чья?

— Спросите у перчаток.

Мартынов, до этого молчавший возле двери, кашлянул. Он пришёл десять минут назад и слушал, не вмешиваясь.

— Андрей, выйдем.

В коридоре старший участковый прикрыл дверь.

— Ты его сейчас не расколешь, — сказал он.

— Я не колю. Проверяю.

— Со стороны похоже, что чай расследуешь, а труп забыл.

— Труп лежал снаружи. Карта Хабирова вышла наружу, пока его бригада работала внутри. Если внутри был не он, у него исчезает алиби на время смерти.

— А если он просто не положил сахар?

— Тогда останутся перчатки.

— А если перчатки общие?

— Останется роба, которую он якобы сменил без свидетелей. И карта, которую якобы забыл в ней. И люди, видевшие шапку, очки и знакомое место за столом.

Мартынов посмотрел в сторону лестницы.

— Иногда три мелкие правды выглядят как одна большая ложь.

— Иногда наоборот.

— Поэтому не объявляй подмену раньше времени.

— Я не объявляю.

— Захарченко уже вышел белый. Через час весь завод будет знать, что вы ищете второго рабочего.

Андрей услышал не только предостережение. Мартынов говорил так, будто второй рабочий был не догадкой, а человеком, которого следовало вовремя спрятать.

— Кого надо защитить? — спросил он.

Старший участковый повернулся к нему.

— С чего ты взял, что кого-то надо защищать?

— Вы сказали не торопиться не потому, что жалеете Хабирова.

— Я сказал не ломать людей версией. В Крутояре работу по знакомству дают, по знакомству отнимают и по знакомству прощают. Если кто-то вышел за другого, у него могла быть причина, которая к убийству не относится.

— Какая?

— Найди сначала человека. Потом спроси.

Мартынов ушёл по лестнице. Андрей не окликнул. Прямого признания не было, но в разговоре появилась граница, которую старший участковый уже видел и не хотел называть.

Грачева вышла из кабинета с телефоном в руке.

— Кадры дадут список сокращённых к полудню. Вдова Левина сама работает у подрядчика в отделе кадров. Говорит, у мужа был свой список, но дома его нет.

— Чёрная тетрадь?

— Возможно. Ещё сказала, что Борис последние две недели ругался из-за ночных выходов людей, которых официально уже нет на заводе.

— Фамилии?

— По телефону не скажет. Ждёт нас дома.

Андрей вернулся в раздевалку за блокнотом. Шкафчик Хабирова стоял открытый и почти пустой. На полке остался светлый круг от кружки. Рядом — несколько рассыпанных сахарных крупинок, которые могли пролежать там месяц.

Он записал отдельно, не смешивая факт с догадкой.

Кружка Хабирова: предварительно чай почти без сахара.

Обычная привычка: три ложки, подтверждают трое.

Старые перчатки: Хабиров сначала назвал своими, затем общими; на манжете чужая метка.

Свидетели узнавали человека по месту, одежде и бригаде.

Ниже Андрей оставил пустую строку для имени.

Пока у него был не второй рабочий, а только чужой несладкий чай в кружке человека, который всю жизнь клал три ложки.

Глава 4. Последний список

Дом Левиных стоял на улице Металлургов, в пяти минутах от заводской ограды. Из окна кухни были видны верхушки градирен и труба, из которой даже в безветрие тянулась серая полоса. Андрей подумал, что Борис Левин, должно быть, и дома определял время по заводским звукам: короткий гудок перед сменой, длинный после аварии, ночной лязг вагонеток.

Татьяна Левина открыла не сразу. За дверью сначала щёлкнул замок, потом цепочка, потом снова стало тихо.

— Кто?

— Участковый Нестеров. Мы разговаривали утром. Со мной следователь Грачева.

Цепочка звякнула. Татьяна была в том же тёмно-синем свитере, в котором приезжала на опознание, но теперь надела поверх него старый мужской жилет. Наверное, первое, что попалось под руку. Она посмотрела на Андрея, потом на Светлану, словно решала, кого из них обвинить в том, что день всё ещё продолжается.

— Я уже всё сказала.

— Вы сказали о списке ночных выходов, — напомнила Грачева. — Нам нужно его увидеть.

Татьяна сжала край двери.

— Я сказала, что Борис что-то записывал. Это не значит, что список у меня.

— Можно войти?

— С ордером?

— Пока просим добровольно. И не обыскивать квартиру, а поговорить.

За стеной работал телевизор. Диктор бодро сообщал о погоде, как будто в Крутояре могло случиться что-то важнее мокрого снега. Татьяна оглянулась в глубину квартиры и отступила.

— Только недолго. У меня дочь скоро придёт.

В прихожей висели три заводские куртки: новая женская, старая мужская и ещё одна, совсем выцветшая, с прежней эмблемой комбината. Под полкой стояли начищенные ботинки Бориса. На коврике рядом с ними таял снег с обуви Андрея и Светланы.

Кухня была маленькой и слишком аккуратной. На столе — две чашки, хотя Татьяна была одна. Вторая стояла у стены, чай в ней давно остыл. На холодильнике под магнитом висел график смен, перечёркнутый красной ручкой. Двадцать девятое число было обведено дважды.

— Его график? — спросил Андрей.

— Мой. Я в подрядной организации кадрами занимаюсь. Занималась. Через месяц отдел объединят с заводским, а нас троих оставят из девяти.

Она села, не предложив гостям места. Андрей и Грачева всё же устроились напротив.

— Вы сказали, Борис спорил из-за сокращённых рабочих, которые продолжали выходить ночью, — начала Светлана. — С кем спорил?

— Со всеми. С начальником участка, с бригадирами, со мной.

— С вами почему?

— Потому что я видела списки сокращения раньше людей. Так получилось по работе. Он считал, что я могла предупредить каждого.

— Могли?

Татьяна посмотрела на остывшую чашку.

— Неофициально? Наверное. Официально мне запрещали. Если человек заранее узнает, начинается беготня: больничные, жалобы, перевод, разговоры с директором. Начальство хотело объявить всем в один день.

— Борис предупреждал?

— Некоторых. А потом делал вид, что это случайность. Кто-то успел взять отпуск, кто-то принёс справку. Я из-за него получила выговор.

— Но список ночных выходов он всё равно вёл.

— Не знаю, как он это называл.

— Где чёрная тетрадь?

Татьяна подняла голову слишком быстро.

— Какая тетрадь?

— Небольшая, чёрная, на резинке. Коллеги говорят, он носил её при себе.

— На работе носил. Домой не приносил.

— Вы уверены?

— Если бы приносил, я бы видела.

Андрей не стал напоминать, что утром она уверяла почти теми же словами: никаких списков муж не вёл. За окном прошёл грузовой состав. Стёкла мелко задрожали, ложка в блюдце звякнула.

— Татьяна Сергеевна, — сказал он, — нам сейчас не нужно доказывать, хороший был ваш муж или плохой. Нам нужно понять, из-за чего его убили.

— А потом вы напишете, что он торговал сменами.

Это прозвучало не вопросом.

— Кто вам сказал про торговлю? — спросила Грачева.

— Никто. Я не глухая. Полгорода знает, что вы ходите по цеху и спрашиваете, кто работал вместо кого.

— Полгорода знает за несколько часов?

— Здесь завод быстрее вашего отдела.

Она потянулась к чайнику, но не включила его. Пальцы легли на крышку и остались там.

— Борис не торговал людьми, — сказала она. — Не надо делать из него кассира у чёрного входа. Людей вышвырнули перед Новым годом. У одного ипотека, у другого мать лежачая, у третьего ребёнку уколы нужны. А работа оставалась. Начальство хотело, чтобы её делали те же руки, только на бумаге рук стало меньше.

— Он брал деньги?

— Я не знаю.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ. Я видела у него деньги, которых не было в нашей общей коробке. Он сказал, вернули долг. Может, брал за то, что закрывал глаза. Может, сам давал кому-то. Вы всё равно выберете худшее.

Грачева положила на стол тонкую папку, не раскрывая.

— Мы выберем то, что подтверждается. Поэтому и нужен список.

Татьяна посмотрела на папку. Андрей видел, как меняется её страх. До этого она боялась слов, которые попадут в протокол. Теперь решила, что список уже нашли где-то ещё и пришли проверить её ложь.

— У меня нет чёрной тетради, — повторила она.

— А листы из неё?

Пауза длилась дольше, чем требовалось для удивления.

Из комнаты снова донёсся телевизор. Ведущая засмеялась, потом началась реклама. Татьяна встала и закрыла кухонную дверь.

— Дочь не должна это услышать.

— Её сейчас нет, — заметил Андрей.

— Она может прийти.

— Тогда давайте закончим до её возвращения.

Татьяна прошла к окну и отдёрнула занавеску. Внизу, у подъезда, стояла служебная машина. Она посмотрела на неё, будто только сейчас поняла, что соседки уже запомнили номер.

— Когда утром позвонили, я поехала к вам, — сказала она. — Потом вернулась. Дверь была закрыта. Всё как обычно. Но на кухне стул стоял не так.

— Как именно?

— Борис всегда задвигал его до конца. Я не задвигаю. Утром он стоял боком.

— Вы сказали об этом кому-нибудь?

— А что я должна была сказать? Что муж умер, а стул повернулся? Вы бы решили, что я не в себе.

— Что ещё было не так?

— Ящик стола не закрывался. Там ложка попала под направляющую. В прихожей открыта дверца шкафа.

Грачева выпрямилась.

— Вы заходили домой между нашим звонком и поездкой на опознание?

— Нет. Я была у сестры. Ночевала там после второй смены. Мы с Борисом поссорились.

— Из-за чего?

— Из-за его людей. Из-за денег. Из-за того, что он вечно спасал одних за счёт других, а потом удивлялся, почему спасённые его ненавидят.

— Ключи от квартиры у кого есть?

— У меня, у Бориса, у дочери. Запасной был у моей сестры, но она его потеряла прошлым летом. Мы сменили личинку.

— Следы взлома заметили?

— Нет.

— После возвращения вы убирали?

Татьяна кивнула, и в этом кивке было виноватое упрямство.

— Я не знала, что вы захотите квартиру смотреть. Протёрла стол, вымыла пол. Сложила его вещи.

— Какие вещи?

— Всё, что лежало. Бумаги тоже.

— Куда?

Она прижала ладонь ко лбу.

— Я не прятала убийцу. Я хотела сначала сама понять.

Грачева не повысила голос.

— Куда вы сложили бумаги?

Татьяна вышла из кухни. Андрей услышал, как она открыла шкаф в комнате. Светлана достала телефон и коротко распорядилась, чтобы к квартире направили криминалиста. Потом убрала папку обратно в сумку.

— В папке что-нибудь есть? — тихо спросил Андрей.

— Чистые листы.

— Я так и думал.

— Поэтому молчал убедительно.

Татьяна вернулась с серым пакетом из обувного магазина. Поставила его на стол, но не выпустила ручки.

— Здесь его рабочая мелочь. Зарядка, чеки, бумаги. Я не знала, что важно.

— Не доставайте сами, — сказала Грачева.

— Там ничего страшного.

— Тогда тем более нет причины портить следы.

Пальцы Татьяны разжались. Пакет остался между ними.

Криминалиста ждали двадцать минут. Всё это время говорили о Борисе Левине. Не о смерти, а о последних двух месяцах. В ноябре он стал задерживаться после смены. Дважды возвращался домой на заводском автобусе, хотя обычно ходил пешком. Перестал оставлять телефон на кухне и носил его даже в ванную. Три недели назад поменял пароль.

— Он кого-то боялся? — спросил Андрей.

— Он злился. Это у него почти одно и то же. Когда боялся, становился громче.

— Кому звонил?

— Не знаю. Иногда выходил на лестницу. Один раз сказал: «Я тебя больше прикрывать не буду». Я спросила, кого. Он ответил: «Тебе лучше не знать».

— Мужчине говорил или женщине?

— Мужчине. Голос у Бориса был другой. Не домашний.

— Когда это было?

— В воскресенье вечером. Число не помню.

Андрей посмотрел на календарь у холодильника. Последнее воскресенье было четыре дня назад.

— Он называл имя?

— Нет. Сказал ещё: «До закрытия цеха не дотянешь». Я решила, ругается с рабочим.

— Почему решили?

— Потому что после разговора достал список сокращённых.

Грачева и Андрей переглянулись.

— Тот самый список сейчас в пакете? — спросил Андрей.

— Копия. Старая. Я выдала её ему ещё в ноябре.

— Нарушив запрет?

— Да. Пишите. Увольнять меня всё равно скоро.

— Зачем выдали?

— Он сказал, хочет понять, кого можно вернуть через подрядчика. Потом я увидела, что напротив фамилий появились числа и ночи. Потребовала отдать лист. Он вернул, но уже другой. Чистый.

— А этот?

— Нашла сегодня в ящике.

— И решили спрятать, потому что на нём видно, что муж устраивал чужие смены?

— Потому что на нём можно написать что угодно. Борис мёртв и не объяснит. Начальство скажет, что он один всё придумал. Рабочие скажут, что платили ему. Те, кто пользовался этими людьми бесплатно, останутся чистыми.

Криминалист Колесников приехал с молодым сотрудником, которого Андрей раньше не видел. Оба надели бахилы в прихожей. Сергей выслушал Грачеву, сфотографировал пакет и стол, затем начал доставать вещи по одной.

Сначала появилась зарядка с перемотанным изолентой проводом. Потом связка чеков из заводского буфета, запасные очки в пластиковом футляре, инструкция к таблеткам от давления, два ключа без бирок. Бумаги лежали в прозрачной папке.

Колесников вынул её последней.

Внутри оказалось шесть листов. Три расчётных квитанции, служебная записка о ремонте вентиляции, копия приказа о сокращении и список фамилий. В верхнем правом углу стояла дата — двенадцатое ноября. Напротив каждой фамилии были должность, разряд и дата увольнения.

По левому краю Борис провёл карандашом вертикальную линию. Рядом с несколькими фамилиями стояли короткие пометки: «вт», «2н», «К-4», «через Р.». Некоторые были обведены. Одна строка оказалась тщательно зачёркнута синей ручкой.

— Не трогайте, — предупредил Колесников, хотя никто не тянулся.

Андрей наклонился. Под плотной штриховкой проступали только начало и конец фамилии. Первая буква могла быть «С», последняя — «н». Должность справа не зачеркнули полностью: «сварщик ручной...».

— Кто это? — спросила Грачева.

Татьяна не ответила.

— Вы кадровик, — сказала Светлана. — Список ваш. Сварщиков здесь четверо. Фамилия на «С» и на «н». Кто?

— Не помню.

— Вы помните, чей стул как стоит. И не помните список, который сами печатали?

— Тогда было сорок семь человек.

Андрей прочёл соседние строки. Сафронов, слесарь. Пётр Сергеевич Савин, сварщик ручной дуговой сварки. Но строка Савина была не зачёркнута. Он посмотрел внимательнее и понял: фамилия стояла двумя строками ниже зачёркнутой. Значит, простая догадка не годилась.

— Здесь Савин есть отдельно, — сказал он.

Татьяна вздрогнула прежде, чем успела спрятать реакцию.

— Кто такой Пётр Савин? — спросил Андрей.

— Работал в ремонтном.

— Вы его знаете лично?

— В Крутояре все кого-то знают лично.

— Это не ответ.

— Его жена работает в столовой подрядчика. Иногда приносила документы. У них девочка болеет.

— Чем?

— Я не врач. Не буду рассказывать про чужого ребёнка.

Грачева указала на лист.

— Почему вы отреагировали на фамилию?

— Потому что знала, что вы за неё зацепитесь. Вы же ищете сокращённого сварщика.

— Мы вам этого не говорили.

Татьяна закрыла глаза. На секунду в кухне остались только шум холодильника и шорох пакета в руках Колесникова.

— Борис говорил, — сказала она наконец. — Не имя. Говорил, что один сварщик опять полез ночью на завод. Я подумала про Петра.

— Почему именно про него?

— Потому что ему нужнее всех.

— Нужда не пропуск.

— Для вас нет. Для завода иногда да.

— Когда Борис это сказал?

— Позавчера. Мы как раз поссорились. Он сказал, если ещё раз увидит Савина у ремонтного, сам сдаст охране.

Фамилия впервые прозвучала вслух не как строка документа, а как человек. Андрей записал её полностью: Савин Пётр Сергеевич. Рядом поставил вопросительный знак. Пока только вопросительный.

— Он говорил, что видел Савина именно в ночь убийства? — спросил он.

— Нет. Позавчера — значит позавчера. Не делайте из этого больше.

— Кто мог провести Савина?

— Я не знаю, что его проводили.

— У него оставался рабочий пропуск?

— После увольнения карту блокируют в тот же день.

— Он мог пользоваться чужой?

Татьяна посмотрела на зачёркнутую строку.

— На заводе можно пользоваться чужим сапогом, чужой кружкой и чужой спиной. Карта висит на человеке. Так должно быть.

— Мы спрашиваем не как должно быть.

— Тогда спрашивайте у охраны.

Колесников подсветил лист сбоку. Под синей штриховкой выступили борозды от шариковой ручки. Он сделал несколько снимков.

— Зачёркивали не на мягком столе, — сказал он. — Под листом было что-то твёрдое. Возможно, папка. Чернила свежими не назову без исследования.

— Это Борис зачеркнул? — спросила Грачева.

— Не знаю, — ответила Татьяна.

— Вы?

— Нет.

Светлана выдержала паузу.

— Татьяна Сергеевна, ложь о документе после убийства мужа не защищает его репутацию. Она только лишает нас времени.

— Я не зачёркивала.

— Тогда почему спрятали список?

Татьяна провела ладонями по лицу. Когда убрала руки, в ней как будто закончилось сопротивление, но не страх.

— Потому что зачёркнутая фамилия тоже Савин.

Андрей снова посмотрел на лист. Отдельная строка Петра Савина была цела. Зачёркнутый человек имел другую должность или другую форму записи.

— Объясните.

— В первом варианте списка был Савин Алексей Петрович, его отец. Электрогазосварщик. Уволился пять лет назад по здоровью, но в базе подрядчика почему-то осталась его старая карточка. Когда готовили сокращение, программа подтянула двух Савиных. Я заметила ошибку и вычеркнула старшего вручную. Потом распечатала исправленный список.

— Значит, зачеркнули вы.

— Тогда, в ноябре. Не сегодня. Я сказала «нет», потому что вы бы решили, что я скрываю Петра.

— А вы его скрываете?

— Я не знаю, где он был ночью.

— Но знаете про старую карточку его отца.

— Она не действует. Должна не действовать.

— У кого она?

— Понятия не имею. Карты сдавали в бюро пропусков.

Грачева попросила Колесникова отдельно упаковать список. Андрей почувствовал разочарование, хотя не имел на него права. Зачёркнутая фамилия оказалась не тайным признанием, а кадровой ошибкой. Но возле неё стояла карандашная пометка Бориса: «проверить С.». И на целой строке Петра Савина — маленькая буква «н» в кружке.

— Что означает «н»? — спросил Андрей.

— Ночь, наверное.

— А «через Р.»?

— Не знаю.

— Рустам?

Татьяна посмотрела прямо на него.

— В городе есть ещё Романов, Рябов, Руденко и две Риты. Не подгоняйте букву под человека.

Это было справедливо. Андрей записал пометку без расшифровки.

— Вы сказали, Борис видел Савина у ремонтного, — продолжил он. — Когда именно?

— В понедельник ночью. Он вернулся домой в половине четвёртого, злой. Сказал: «Этот парень доиграется». Я спросила кто. Он назвал Петра.

— Почему не сообщил охране?

— Потому что сначала хотел поговорить. Борис всегда сначала хотел поговорить, а потом уже написать. На этом и погорел.

— С Петром поговорил?

— Не знаю. На следующий день сказал, что дал последний срок.

— Срок до чего?

— Уйти самому. Больше не выходить. Может, вернуть деньги. Я не спросила.

— Где живут Савины?

Татьяна ответила не сразу.

— Улица Карьерная, дом восемь. Квартира не знаю какая.

Андрей заметил, как Мартынов утром предупреждал его не торопиться с поиском второго рабочего. Если старший участковый знал Савиных, он знал и адрес. Возможно, уже ездил туда. Возможно, поэтому говорил о человеке так, словно защищал не отвлечённого нарушителя.

— Вы звонили Савину сегодня? — спросила Грачева.

— Нет.

— Его жене?

— Нет.

— Покажете телефон добровольно?

Татьяна положила аппарат на стол. В исходящих звонках после сообщения о смерти были сестра, дочь, номер комбината и неизвестный мобильный. Последний вызов длился семь секунд.

— Чей номер?

— Не ответили.

— Кому звонили?

— Борису.

Грачева сверила цифры. Это действительно был телефон погибшего.

— Зачем?

— Хотела услышать его голос в записи. Там автоответчик.

Она сказала это спокойно, и допрос на несколько секунд стал похож на вторжение. Андрей отвёл взгляд к окну. Снег налипал на стекло и сразу сползал водой.

Колесников закончил упаковку. Список, остальные бумаги и два ключа забирали на исследование. Квартиру осмотрели без большого обыска: следов взлома не нашли, на шкафу и ящиках после уборки остались только смазанные следы. Татьяна подписала согласие на изъятие, перечитав каждую строку.

У двери она остановила Андрея.

— Петра не надо тащить на завод.

— Почему?

— Если он что-то видел, там узнают раньше, чем вы доведёте его до кабинета.

— Кто узнает?

— Все. Вы сегодня спросили про чай, а через час мне позвонили и рассказали про три ложки.

— Кто позвонил?

— Женщина из расчётного отдела. Ей сказал муж, мужу — Белов. Вы думаете, убийца медленнее?

— Вы считаете, Савин был на заводе ночью?

Татьяна посмотрела в комнату, где на спинке кресла лежала рубашка Бориса.

— Я считаю, Борис знал, кто выходит под чужими фамилиями. И кто-то очень не хотел, чтобы он донёс список до утра.

— Это не ответ про Савина.

— Другого у меня нет.

На улице Грачева села в машину, но не завела двигатель. Андрей остался рядом, держа блокнот на колене.

— Поедем на Карьерную? — спросил он.

— Сначала проверим адрес, телефоны и пропуска. И поговорим с Мартыновым.

— Если поедем через отдел, к Савину успеет половина города.

— Если рванём без проверки, сами покажем, кого считаем важным.

Андрей посмотрел на окна Левиных. Татьяна стояла за занавеской и держала телефон у груди.

— Она сказала правду не до конца.

— Почти каждый сегодня сказал правду не до конца.

— Но фамилию дала.

— Фамилию дал документ. Она только объяснила, почему её боялась.

Грачева набрала бюро пропусков. Пока ждала ответа, Андрей перечитал запись: «Савин Пётр Сергеевич, 33 года, сварщик, сокращён; жена Ирина, столовая подрядчика; дочь; Карьерная, 8; замечен Левиным у ремонтного в понедельник ночью». Ни один пункт не доказывал, что Пётр был на заводе в ночь убийства. Вместе они уже образовывали направление, которое нельзя было обсуждать в коридоре отдела.

В трубке ответили. Светлана включила громкую связь.

— Следователь Грачева. Нужна проверка двух бывших сотрудников: Савин Алексей Петрович и Савин Пётр Сергеевич. Статус пропусков, последние проходы, кто принимал карты при увольнении.

Женский голос попросил подождать. Заиграла музыка, слишком весёлая для служебного телефона.

Через минуту сотрудница вернулась.

— У Петра Сергеевича карта заблокирована двенадцатого ноября, сдана четырнадцатого, уничтожена по акту. Проходов после блокировки нет.

— Алексей Петрович?

— Сейчас... Вот странно. Уволен давно. Карта числится списанной, но номера акта нет. Последний проход пять лет назад.

— Физически карту нашли?

— В системе только отметка «к списанию».

— Кто оформлял?

— Архив поднимать надо.

— Поднимайте. И никому не сообщайте фамилии запроса.

Грачева отключилась.

— Старая карта отца? — спросил Андрей.

— Даже если сохранилась, фотография и другой номер. А ночью прошла карта Хабирова.

— Значит, пока это боковая дверь, не главная.

— Но дверь есть.

Они выехали со двора. У ворот комбината уже собиралась дневная толпа. Люди шли мимо проходной, прикладывали карты, называли друг друга по фамилиям и не смотрели в

лица. Андрей подумал о вычеркнутом Алексее Савине и о невредимой строке Петра. В списке один человек исчез по ошибке, другой — по приказу. Но завод всё равно мог пользоваться обоими именами, пока кому-то было выгодно не замечать человека за карточкой.

Телефон Андрея завибрировал. Звонил Мартынов.

— Ты где? — спросил он вместо приветствия.

— Возвращаюсь от Левиной.

— Один?

— С Грачевой.

На другом конце стало тихо.

— Что нашли?

— Список сокращённых.

— И?

— Там есть Пётр Савин.

Мартынов выдохнул так, словно услышал не новую фамилию, а подтверждение того, чего ждал.

— Андрей, — сказал он, — не езди к нему без меня.

— Почему?

— Потому что он убежит.

— Откуда ты знаешь?

Мартынов не ответил. Связь не оборвалась — Андрей слышал его дыхание и далёкий стук двери.

— Евгений Петрович?

— Я сказал: дождись меня.

— А я спросил, откуда ты знаешь.

— Потому что здесь люди бегут раньше, чем им объясняют, от чего. Через десять минут буду в отделе.

Он отключился.

Грачева смотрела на дорогу.

— Теперь у нас есть ещё один вопрос, — сказала она.

— К Мартынову?

— К его часам.

Андрей закрыл блокнот. Фамилия Савина появилась в деле, но человека за ней всё ещё не было. Был список, старая карточка, больной ребёнок, предупреждение погибшего и слишком быстрый страх старшего участкового. Этого хватало, чтобы искать. Не хватало, чтобы обвинять.

Глава 5. Город после гудка

После дневного гудка Крутояр менял направление. До трёх часов люди шли к заводу, после трёх — от него. Поток растекался по улицам, заполнял автобусы, магазин у площади и две пивные, которые официально назывались кафе. Рабочие снимали каски, но не разговоры. Через полчаса весь город знал, кому задержали расчёт, чей участок закроют и у кого ночью спрашивали про сахар.

Андрей ждал Мартынова у отдела, однако тот не приехал ни через десять минут, ни через двадцать. На звонок ответил коротким сообщением: «Задержали у директора. Савина не трогай».

Грачева прочла сообщение с экрана Андрея.

— Удобный директор.

— Может, правда задержали.

— Может. А мы пока не трогаем Савина. Мы трогаем город.

Первым они нашли бывшего токаря Виктора Сафронова. Его фамилия стояла в левинском списке рядом с пометкой «вт». После сокращения он устроился чинить бытовую технику в гаражах за старым автовокзалом. Адрес дал кадровый отдел, но искать номер бокса не пришлось: над воротами висела фанера с нарисованными стиральной машиной и телевизором.

Сафронов сидел на перевёрнутом ящике и разбирал дрель. Он был широкоплечим, седым и ещё носил заводские защитные очки, хотя вокруг не было ни станка, ни стружки.

— Полиция? — спросил он, увидев удостоверения. — Телевизор краденый не беру. Можете проверить.

— Мы про завод, — сказал Андрей.

— Тогда телевизор всё-таки проще.

Грачева показала фотографию Бориса Левина.

— Когда видели его в последний раз?

Сафронов отложил отвёртку.

— Недели две назад. На остановке.

— Разговаривали?

— Он спросил, не хочу ли вернуться. Я сказал: на экскурсию разве что.

— Почему?

— Потому что один раз уже вернулся.

Он произнёс это без удивления, словно ждал вопроса давно.

— Официально? — спросила Грачева.

— Какое там. В списке меня нет, пропуска нет, а вал на линии встал. Новый токарь по чертежу умеет, руками не умеет. Позвонили вечером: приходи, выручай.

— Кто позвонил?

— Мастер смены. Не Левин. Фамилию писать будете — скажу при адвокате.

— Как вы вошли?

— Не входил.

— Работали с улицы?

Сафронов усмехнулся.

— Вот за это я полицию люблю. Пока сам не видел, думаешь, завод — крепость. Я прошёл с ремонтниками через грузовые ворота. В машине. На мне чужая куртка, в руках ящик. Охранник посмотрел накладную на машину, а лица не считал.

— Чья куртка?

— Не помню.

— Чья смена стояла в табеле?

— Парень, которого поставили вместо меня. Он в тот день дома был с температурой. Я сделал вал, его фамилию закрыли в наряде.

— Кто вам заплатил?

Сафронов поднял дрель и заглянул внутрь, будто вопрос относился к обмотке.

— Никто.

— Вы ночью незаконно пришли на завод бесплатно?

— Мне должны были выплатить премию за последний месяц. Не выплатили. Мастер сказал: сделаешь — подпишут. Я сделал. Премию получил как исправление расчёта.

— На карту?

— На карту. Всё красиво. Поэтому и говорю: денег за ночь не брал.

Грачева записала дату и сумму. Это был первый способ оплаты, который можно проверить без рассказов о конвертах.

— Левин знал?

— Утром увидел вал. Спросил, кто делал. Ему сказали — молодой. Борис посмотрел и засмеялся. У молодого резец дрожал, он такой проход за ночь не сделал бы. Левин меня потом нашёл.

— Зачем?

— Сказал: ещё раз войдёшь тайком — сдам всех. Я ответил: сдавай. Только сначала напиши, кто оставил линию без токаря.

— Он записал вашу фамилию?

— Записал. Он последнее время всё записывал.

— Чёрная тетрадь?

Сафронов кивнул.

— На резинке. Внутри даты, фамилии, суммы. Я видел свою страницу.

— Сумма вашей премии?

— Да. И ещё какие-то номера. Машин, наверное. Борис прикрыл рукой.

Андрей вспомнил пустые карманы погибшего. Если в тетради были не только смены, её искали не ради семейной репутации.

— Знаете Петра Савина? — спросил он.

Сафронов снова взял отвёртку.

— Знаю.

— Он выходил после сокращения?

— У него спросите.

— Мы спрашиваем у вас.

— А я не сторож чужой беды.

— Борис Левин убит. Теперь это не только чужая беда.

Сафронов долго молчал. За стеной гаража включили компрессор. Пол задрожал.

— Петя хороший сварщик, — сказал он наконец. — Хороших сократили вместе с плохими, потому что бумаге всё равно. Всё, что знаю.

— Кто сводил мастеров и сокращённых?

— Никто. В городе телефоны есть.

— Мастер звонит человеку, тот приходит, а деньги возникают сами?

— Иногда деньги. Иногда долг по зарплате. Иногда обещание взять через подрядчика. Иногда действующий рабочий отдаёт половину смены тому, кто за него вышел.

— Как отдаёт?

— Переводом жене. Наличными у магазина. Покупает лекарства. Способов больше, чем у вас бланков.

— Кто гарантирует, что заплатят?

— Никто. Поэтому были посредники.

Он понял, что сказал лишнее, и опустил очки на глаза.

— Кто?

— Я не говорил, что один человек. Посредник — тот, кому верят обе стороны. Сегодня мастер, завтра бригадир, послезавтра женщина из расчётного отдела.

— Левин?

— Иногда.

— Хабиров?

Сафронов снял очки.

— Его фамилию я не называл.

— Но знаете.

— На заводе все знают Рустама.

Дальше он замкнулся. Грачева взяла письменное объяснение о единственном признанном выходе и согласие на запрос банковской выплаты. Перед уходом Андрей спросил, что означала пометка «вт» возле фамилии.

— Вторник, — ответил Сафронов. — Я выходил по вторникам. У жены в эти дни была ночная, детей оставлять не с кем не надо было. Они уже взрослые.

— Значит, Левин отмечал не случай, а удобный день.

— Или день, когда проще поймать.

Следующей была столовая подрядчика. Ирина Савина работала там до четырёх, но Грачева решила пока не задавать ей вопросов о муже. Они пришли как обычные посетители и сели за дальний стол. Андрей взял борщ, Светлана — чай. За раздачей стояла невысокая женщина с тёмными волосами, собранными под сетку. На бейдже было написано: «Ирина».

Она заметила их удостоверения ещё у кассы. Половник в её руке на миг остановился, но суп не пролился. Больше она ничем себя не выдала.

— Это она? — тихо спросила Грачева.

— По кадрам — да.

— Смотрит не на нас. На дверь.

Ирина действительно каждые полминуты проверяла вход. Андрей не мог понять, ждёт ли она мужа или боится, что войдёт кто-то другой.

За соседним столом двое рабочих обсуждали закрытие цеха. Говорили нарочно тихо, но помещение было почти пустым.

— Теперь ночные лавочку прикроют, — сказал один.

— Пока станки не прикроют, лавочка будет.

— Левин доприкрывался.

Второй шикнул и посмотрел на Андрея.

Грачева допила чай.

— Пойдём. Если сейчас вызовем Ирину, она позвонит Петру. Если не вызовем, тоже позвонит.

— Тогда какая разница?

— В первом случае мы покажем, что знаем. Во втором узнаем, что сделают они.

На улице они остановились за углом, откуда было видно служебное крыльцо. Через три минуты Ирина вышла без пальто, прижимая телефон к уху. Поговорила меньше минуты, вернулась внутрь.

Грачева записала время.

— Запросим соединение законно, — сказала она. — Не будем гадать, кому.

— А если Петру?

— Тогда он знает, что полиция рядом с женой. Это ещё не значит, что знает зачем.

Они пошли к расчётному отделу подрядчика. Женщину, звонившую Татьяне Левиной, звали Марина Котова. Она сидела в комнате с четырьмя столами и сразу попросила коллег выйти.

— Я ничего секретного Татьяне не говорила, — начала она. — Просто поддержать хотела.

— Про три ложки сахара — это поддержка? — спросила Грачева.

Котова покраснела.

— Муж с Беловым работает. Слово за слово.

— Сколько времени прошло между нашим вопросом в цехе и вашим звонком?

— Не считала.

— Мы посчитали. Час семь минут.

— Город маленький.

— Поэтому нам интересно, как в нём платят за чужие смены.

Котова посмотрела на дверь.

— Я зарплату начисляю по табелю. Кто физически стоял у станка, не вижу.

— Но исправления расчёта видите.

— Если приказ есть.

— Сафронову провели премию после неофициального выхода.

— Был приказ директора.

— Кто подготовил основание?

— Начальник участка.

— Левин?

— Визировал.

Она открыла программу и тут же закрыла, вспомнив, что перед ней полиция без письменного запроса.

— Официально направляйте, всё дадим.

— Направим. А пока объясните общую схему.

— Нет схемы.

— Есть люди, уволенные на бумаге и работающие ночью. Есть действующие работники, которым закрывают смены. Есть выплаты жёнам, исправленные премии и покупки лекарств. Это не один случай.

Котова сжала губы.

— Когда цеху дают план, начальник должен его выполнить. Ему не дают людей, но спрашивают за детали. Он звонит тем, кого вчера сократил. Те приходят, потому что другой работы в городе нет. Потом вы называете это схемой. А как назвать требование сделать прежний объём половиной бригады?

— Опасностью, — сказал Андрей. — Если человек получает травму, его официально нет на заводе.

— Все это понимали.

— Понимать и соглашаться — не одно.

— Соглашались. И мастера, и рабочие, и охрана. Даже жёны соглашались, когда деньги приносили.

— Кто вёл расчёты?

— Каждый свои.

— Борис Левин?

— Борис пытался свести всё в один список. Сначала чтобы не обманули людей. Потом начал пугать этим списком начальство.

— Хабиров участвовал?

Котова посмотрела на монитор. В чёрном экране отражалось её лицо.

— Рустам находил замену внутри ремонтного. Если кому-то нужно было пропустить смену, он договаривался.

— С сокращёнными тоже?

— Я не знаю фамилий.

— Как платили через вас?

— Через меня не платили.

— Через расчётный отдел.

— Иногда действующий работник писал заявление, чтобы часть зарплаты переводили на другой счёт. Алименты, кредит, что угодно. Мы не спрашиваем, кому принадлежит карта, если реквизиты указаны самим сотрудником.

— Можно перевести часть заработка жене человека, который фактически отработал смену?

— Технически можно. Но назначение будет обычным.

— У Хабирова были такие заявления?

Котова снова потянулась к клавиатуре и остановилась.

— Письменный запрос.

Грачева достала подготовленное требование, вписала организацию и перечень документов.

— Получите через канцелярию через пять минут. Сохраните данные, ничего не меняйте.

Когда они вышли, Андрей сказал:

— Значит, деньги могли идти не Петру, а Ирине.

— Или аптеке. Или вообще никому. Сначала документы.

— Котова признала роль Хабирова.

— Признала, что он находил замену. Не сказала, кого нашёл этой ночью.

У канцелярии им пришлось ждать начальника. Пока секретарь ставила входящий номер, телефон Андрея снова завибрировал. На этот раз Мартынов звонил.

— Ты где ходишь? — спросил он.

— По людям из списка.

— Я просил дождаться.

— Ты обещал приехать через десять минут.

— У директора совещание затянулось.

— Что директор хотел от участкового во время расследования убийства?

— Чтобы город не встал. Тут люди уже говорят, что ночную смену распустят.

— Пусть говорят. Ты Петра Савина давно знаешь?

Мартынов помолчал.

— Давно.

— Насколько?

— Его отец со мной в школе учился.

— Ты знал, что Пётр выходил после сокращения?

— Слухи слышал.

— Левин видел его в понедельник у ремонтного.

— Борис много кого видел.

— А ты уже знал, что Пётр убежит.

— Потому что он однажды убежал от охраны. Полгода назад, когда выносил электроды. Не украл — забыл в кармане. Испугался и побежал. Его потом неделю всем заводом дразнили.

Объяснение было правдоподобным и слишком готовым.

— Где ты сейчас?

— В отделе.

— Мы едем.

— Не вези Грачеву к Савиным сегодня.

— Почему?

— У ребёнка процедура. Ирина просила не тревожить вечером.

Андрей остановился посреди коридора.

— Когда она тебя просила?

На другом конце снова возникла пауза.

— Раньше. Когда Петра сократили. Я помогаю семье с документами.

— Какими документами?

— На компенсацию лекарства. Андрей, не устраивай допрос по телефону.

— Ты сам его устроил, когда велел не ехать.

Мартынов отключился.

Грачева стояла рядом и слышала половину разговора.

— У нас добрый старший участковый, — сказала она.

— Добрый не значит виноватый.

— Не значит. Но доброта, которая прячет факты, дорого стоит.

Ответ из расчётного отдела пришёл к вечеру. Котова принесла распечатки лично, в запечатанном конверте. За последние два месяца Хабиров дважды подавал заявления о перечислении части заработка на карту Ирины Савиной. В назначении стояло: «возврат личного долга». Суммы были разными, но обе примерно соответствовали оплате ночной смены с надбавкой.

— Третьего перевода нет, — сказала Котова. — За текущий месяц зарплата ещё не начислена.

— Заявление на новый перевод есть? — спросила Грачева.

— Нет.

— Могло быть наличными?

— Могло быть чем угодно.

Андрей изучил даты. Первый перевод прошёл через день после ночи, отмеченной у Левина в списке буквой «н». Второй — после другой ночной смены Хабирова. Совпадение было проверяемым, но ещё не доказывало, кто стоял у станка.

— Вы знали, что Ирина — жена сокращённого сварщика? — спросил он.

Котова кивнула.

— Почему не спросили про долг?

— Потому что не имею права спрашивать, кому человек возвращает свои деньги.

— А Левин знал?

— Он визировал табели, но заявления шли мимо него. Мог узнать от меня.

— Вы рассказывали?

Котова отвернулась.

— Один раз. Борис спросил, почему Рустам ругался из-за задержки перевода. Я сказала.

— Когда?

— Неделю назад.

— После этого Левин начал угрожать раскрыть список?

— Не знаю. Но они с Рустамом кричали друг на друга у лестницы.

— О чём?

— Борис сказал: «Я тебя два раза прикрыл, третьего не будет». Рустам ответил: «Ты сам на этом кормишься».

— Свидетели были?

— Я и уборщица. Может, ещё кто-то.

Грачева внесла разговор в объяснение. Котова подписала, попросила копию и ушла, будто за час стала ниже ростом.

Снаружи уже стемнело. Заводские окна горели длинными рядами. В городе закончилась дневная смена и началась вечерняя жизнь, но гул предприятия не стихал.

— Теперь можем к Савину? — спросил Андрей.

— Теперь у нас есть основание спросить про переводы. Но Мартынов предупредил семью раньше нас, даже если сделал это из жалости.

— Мы не знаем, предупреждал ли.

— Ирина вышла звонить сразу после того, как увидела нас. Мартынов знает о процедуре ребёнка и просит не ехать. Хабиров переводил Ирине деньги. Я не люблю цепочки из трёх случайностей.

Они сели в машину. Андрей открыл карту города. Улица Карьерная тянулась за старым рудником, где частные дома перемежались пустырями. От отдела — двенадцать минут.

В этот момент пришёл ответ по звонку Ирины у столовой. Номер принадлежал Евгению Мартынову.

Грачева показала экран Андрею.

— Теперь четыре.

— Она могла просить помощи.

— Конечно. И он мог помогать. Вопрос — чем.

Машина тронулась. На площади они попали в поток заводчан. Люди переходили дорогу плотной стеной, и пришлось остановиться. Андрей смотрел на лица: усталые, знакомые друг другу, настороженные к служебной машине. Каждый мог знать часть истории. Вместе они создали порядок, при котором уволенный человек продолжал работать, действующий отдавал ему часть денег, мастер закрывал наряд, кадровик исправлял выплату, охранник не замечал чужую куртку. Никто не считал себя хозяином этой системы, поэтому никто не считал себя виноватым.

Гудок прозвучал снова — короткий, вечерний. Толпа ускорилась.

На выезде к Карьерной Андрей заметил в зеркале серую машину. Она держалась через два автомобиля и свернула следом.

— Нас ведут? — спросил он.

Грачева посмотрела назад.

— Пока просто едет в ту же сторону.

Через квартал серый автомобиль исчез за автобусом. Когда автобус повернул, дороги за ним были пусты.

— Номер увидел?

— Последние цифры — сорок семь. Или семьдесят четыре.

— Запиши оба варианта.

До дома Савиных оставалось меньше пяти минут. Андрей набрал Мартынова. Тот не ответил.

Грачева убрала телефон Андрея с панели экраном вниз.

— Больше никого не предупреждаем.

В городе после гудка новости двигались быстрее машин. Теперь у них была проверяемая денежная связь Хабирова с семьёй Савина и свидетельство, что Левин знал о ней. Но если Пётр действительно отработал чужую смену, первым до его двери мог добраться не закон и не жалость.

Глава 6. Чужой узел

На Карьерную они не доехали.

У выезда со двора столовой Грачева попросила Андрея остановиться. Служебная машина ещё не успела прогреться, на стекле по краям держался белый налёт, а Светлана уже смотрела назад, через заднее окно.

— Серая «Нива», — сказала она. — Была у расчётного отдела. Теперь здесь.

Андрей увидел машину между двумя автобусами. Грязь скрывала номер, за рулём сидел человек в тёмной шапке. Когда заводской автобус тронулся, «Нива» не поехала следом. Водитель наклонился, будто искал что-то под сиденьем.

— Может, ждёт жену со смены.

— Может. А мы собирались прямо к Савиным и уже успели показать это всему городу.

Андрей убрал поворотник.

— Возвращаемся в цех?

— Сначала оформим осмотр. Потом поедем на Карьерную так, чтобы об этом знали только мы и дежурный.

Телефон Андрея завибрировал. Мартынов звонил второй раз за десять минут. Андрей включил громкую связь.

— Ты где? — спросил Евгений без приветствия.

— У столовой подрядчика.

— Я же сказал Савина не трогать.

— Мы его и не трогали.

— Жену тоже не надо было пугать.

Грачева посмотрела на Андрея. Он не успел сказать Мартынову, что Ирина заметила их в столовой.

— Откуда знаешь, что она испугалась?

В трубке на секунду стало слышно гудение дороги.

— Она позвонила, — ответил Мартынов. — Я семье помогал с бумагами на лекарство. У девочки лечение дорогое. Не делайте из них преступную группу.

— У нас смерть человека, Женя.

— Вот смерть и расследуйте. Пётр Левина не убивал.

— Я этого не говорил.

— Зато подумал.

Мартынов отключился.

Грачева сняла телефон с панели и вернула Андрею.

— Он не спросил, зачем мы приехали к Ирине.

— Потому что догадался.

— Или потому что знает ответ.

Андрей завёл машину. Серая «Нива» осталась на месте. Когда они свернули к заводоуправлению, она всё-таки выехала со двора, но пошла в другую сторону.

В ремонтный цех их впустили только после нового распоряжения Грачевой. Захарченко встретил их у сетчатой калитки, раздражённый сильнее, чем утром.

— Вы людям работать дадите? — спросил он. — Сначала чай, теперь верёвки.

— Не верёвки, а страховочные стропы, — сказал Андрей.

— Раз знаете, как называется, сами и ищите.

Начальник смены подписал журнал допуска и повёл их к гидроблоку. Дневная бригада уже сняла ограждение вокруг площадки, но саму крышку не трогала. Над ней проходила балка

тали, сбоку висели два смотанных стропа. Ещё один конец серой ленты был перекинут через поручень верхней площадки и завязан вокруг стойки.

Андрей видел его утром. Тогда узел показался частью обычного заводского беспорядка: всё нужное лежало не там, где положено, но именно там, где его привыкли брать. Теперь он остановился у стойки.

— Это использовали ночью?

Захарченко пожал плечами.

— Ленту используют постоянно.

— Для чего она здесь?

— Подтянуть кожух, придержать шланг, закрепить инструмент. Что понадобится.

— Страховать человека?

— Для человека привязь есть. Этой лентой человека цеплять нельзя.

Грачева надела перчатки и сфотографировала стойку с четырёх сторон. Узел был плоский, затянутый под нагрузкой. Свободный конец не торчал наружу, а уходил под нижний виток и возвращался короткой петлёй.

— Кто завязал? — спросила она.

— Откуда мне знать.

— Вы принимали работу.

— Я принимал крышку, не бантик.

Захарченко дёрнул ленту, но Грачева остановила его рукой.

— Не трогайте.

— Думаете, на нём фамилия написана?

— Пока на нём написано только то, что он был здесь до нашего второго осмотра.

Андрей присел, не касаясь ленты. На серой ткани у самого поручня виднелось тёмное пятно. Масло или графит. В нескольких местах край был оплавлен мелкими точками.

— Она из сварочного участка?

— Они все по цеху ходят, — ответил Захарченко. — И искры у нас не только сварщики делают.

— Такой узел кто вяжет?

Начальник смены усмехнулся.

— Человек с руками.

— Хабиров вяжет?

— Рустам? Наверное.

— Вы видели?

— Я за взрослыми мужиками не слежу, как они шнурки завязывают.

Грачева позвала специалиста, ожидавшего внизу. Тот поставил номерок, измерил концы ленты, снял общий вид и только после этого ослабил узел. С первого раза не получилось. Он воспользовался тонким металлическим щупом, поддел затянутый оборот и медленно вытянул петлю.

— Быстро развязывается, если знаешь, за что тянуть, — сказал Андрей.

— Любой быстро развязывается, если не затянули намертво, — отозвался Захарченко.

— А этот затянули.

Специалист положил ленту в бумажный пакет. На стойке осталась чистая полоса среди пыли.

— Кто работал на этой площадке после ночной бригады? — спросила Грачева.

Захарченко назвал троих. Двое были в цехе, третий ушёл на обед. Андрей поговорил с каждым отдельно. Один видел ленту утром, но узла не запомнил. Второй сказал, что она уже была привязана, когда дневная смена принимала место. Третий по телефону уверял, что сам закреплял ею шланг неделю назад, но описал простой узел с двумя концами наружу.

— Значит, верёвка висела неделю, — с удовлетворением сказал Захарченко.

— Значит, лента висела неделю, — поправила Грачева. — Узел могли перевязать ночью.

Они спустились в бытовку. На стене рядом с планом эвакуации висел щит с обрывками шнуров. Рабочие тренировались на них перед допуском к высотным работам. На одном картонном ярлыке было написано «контрольный», на другом — «схватывающий».

— Покажите, каким узлом здесь обычно крепят конец, — попросил Андрей.

Захарченко взял шнур и завязал два простых оборота. Получился плотный комок с коротким хвостом.

— Так быстрее.

— А тот?

— Тот аккуратнее.

— Кто любит аккуратно?

— Все любят, когда начальство смотрит.

Из-за шкафа рассмеялись. Там переодевался Белов, тот самый слесарь, который рассказывал про старые перчатки.

— Чего смешного? — спросил Захарченко.

— Ничего.

— Раз ничего, иди сюда. Покажи, как Рустам узлы вяжет.

Белов застегнул куртку и подошёл к щиту.

— Я не помню.

— Утром ты всё помнил, — сказал Андрей. — Даже сколько сахара он кладёт.

— Сахар каждый день вижу. А верёвки не считаю.

— На гидроблоке лента мешала шлангу. Кто её убрал под поручень?

Белов покосился на Захарченко.

— Работник убрал.

— Какой?

— Который справа стоял.

— Хабиров?

— На его месте.

В бытовке стало тихо. Захарченко выругался вполголоса.

— Утром вы сказали, что справа стоял Хабиров, — напомнила Грачева.

— Я сказал: Рустам. То есть место Рустама. Мы так и говорим: Рустам подаёт, Круглов держит. Если человека не разглядел, всё равно называешь по наряду.

— Лицо видели?

— Маска была поднята, но он отвернулся. Потом опустил. Искры летели.

— Как он завязал ленту?

Белов взял шнур. Его пальцы двигались медленно, он дважды остановился.

— Не повторю. Он сложил конец петлёй, обернул, потом сунул назад. Потянул за короткий — и всё легло плоско.

Получилось похоже, но не одинаково. У Белова свободный конец остался сверху.

— Раньше такое видели?

— Сварные так кабель подвязывают. Чтобы снять в крагах и не ковырять ногтями.

— Все сварщики?

— Да откуда я знаю всех. У нас старики так делали. Кто у кого научился.

— Хабиров сварщик?

— Слесарь. Но пятнадцать лет в одном цехе, мог подсмотреть.

— Вы видели, чтобы он так вязал?

Белов помотал головой.

— Нет. И чтобы не так — тоже не видел.

Грачева забрала учебный шнур как сравнительный образец после того, как специалист его сфотографировал. Захарченко проводил их до двери.

— Сейчас вы по узлу человека посадите?

— Нет, — сказал Андрей. — Сейчас мы по узлу перестанем верить вашему слову, что ночью справа стоял именно Хабиров.

— Я его не проверял по паспорту.

— Вот это надо было сказать утром.

— Утром вы спрашивали, работала ли бригада. Бригада работала.

— А человек?

Захарченко посмотрел на пустую площадку у гидроблока.

— Человек тоже работал. Только вы теперь хотите знать, как его звали.

У сварочного участка стояло шесть тележек с аппаратами. Кабели были смотаны по-разному: на одной — тугими одинаковыми кругами, на другой — восьмёркой, на третьей — кое-как наброшены на ручку. Андрей попросил мастера участка не называть фамилий и показать старые учебные образцы. Мастер принёс из шкафа деревянную планку с тремя кусками шнура.

— Этому раньше учили, — сказал он, указывая на плоский узел с петлёй. — Теперь готовые застёжки, ремни. Но мужики по привычке делают.

— Для чего?

— Кабель к стойке придержать, рукав поднять с пола. Не для страховки. Если тяжёлое подвесить, затянется или поползёт.

— Как называется?

Мастер пожал плечами.

— У нас «сбросный». В учебнике, может, иначе. Названия в каждом цехе свои.

— Пётр Савин так вязал?

Мастер сразу перестал смотреть на планку.

— Давно он у нас не работает.

— Вопрос не когда. Вы видели?

— Видел.

— Часто?

— Он вообще всё подвязывал. Кабель, рукав, сумку. Ненавидел, когда под ногами болтается.

— Кто его научил?

— Отец, наверное. Алексей тоже сварщиком был.

— Кроме Савиных кто так делает?

Мастер оглянулся на тележки.

— Полцеха стариков. И молодые, если у стариков учились. Вы не вздумайте написать, будто это Петина подпись. Узел не подпись.

— Не вздумаем, — ответила Грачева. — Нам нужна привычка, которую можно проверить вместе с другими обстоятельствами.

Она попросила показать личную тележку Петра, но её давно передали другому работнику. На ручке сохранился обрезок синего шнура. Новый хозяин сказал, что ничего не перевязывал с ноября. Узел был похож по устройству: плоские обороты, петля под нижним витком, короткий конец, который можно вытянуть рукой в толстой перчатке. Специалист снял его, описал положение и упаковал отдельно.

— Теперь два одинаковых? — спросил Андрей, когда они отошли.

— Два похожих, — поправила Грачева. — Один с места ночной работы, другой с бывшей тележки Савина, которой после него пользовался чужой человек. Цепочка слабая.

— Белов видел, как ночной рабочий завязал первый.

— Видел движение. Лица не видел. Мастер подтверждает привычку Петра, но говорит, что так умеют многие. Этого достаточно, чтобы искать дальше. Недостаточно, чтобы объявлять, кого видели у гидроблока.

Андрей кивнул. Ему нравились документы потому, что в них строки стояли ровно. Улики вели себя хуже. Каждая отвечала не на тот вопрос, который хотелось задать. Карта говорила, кто вошёл по учёту. Наряд — чья фамилия должна была стоять у крышки. Узел — чему был обучен человек в перчатках. Ни один предмет не соглашался назвать самого человека.

У проходной их догнал пожилой сварщик в очках с толстыми линзами. Он шёл быстро и сердито, не застёгивая ватник.

— Вы про Савина спрашивали?

— Представьтесь, — сказала Грачева.

— Николай Ершов. Я с его отцом работал. Если узел нашли, не лепите ерунду. Алексей ползавода этому научил.

— Когда?

— Лет двадцать учил. Тогда ремней не хватало, всё на шнурах. Петя у него перенял, но не один Петя.

— Хабиров мог у него научиться?

Ершов задумался.

— Мог видеть. Только Рустам не любит возиться. Он затянет как попало и ножом срежет.

— Вы это видели?

— Сколько раз. Он мой удлинитель так укоротил, что до розетки не доставал.

— Когда последний раз?

— Летом.

— А в последние месяцы Хабиров мог изменить привычку?

— Человек может всё. Особенно когда знает, что вы потом узлы считать будете.

— В ночь смерти Левина вы работали?

— Нет. Я на дневных.

Ершов назвал ещё четырёх сварщиков, которые пользовались сбросной петлёй. Двое были в ночной смене на другом участке, один находился в отпуске, четвёртый уволился год назад. Пётр был не единственным и даже не самым заметным. Но среди слесарей гидроблока никто, по словам Ершова, так не вязал.

— Почему подошли сами? — спросил Андрей.

— Потому что Захарченко уже по цеху орёт, будто полиция убийцу по верёвке нашла. Через час скажут, что Петю в наручниках вывели. А к вечеру настоящий убийца узнает, кого вы ищете.

Грачева обменялась взглядом с Андреем.

— Кто слышал фамилию Савина?

— Теперь все.

— Кто первый сказал?

— Не знаю. Я услышал у курилки.

Ершов ушёл к автобусу. Андрей позвонил дежурному и попросил незаметно проверить дом Савиных до их приезда. Через семь минут пришёл ответ: во дворе чисто, у подъезда пусто. Серая «Нива» по ориентировке не обнаружена.

— Фамилия вышла наружу быстрее нас, — сказал Андрей.

— Она и раньше была наружу. Список видели кадры, Левин, Татьяна, Мартынов. Теперь добавились столовая и половина цеха.

— Значит, едем к Петру.

— Едем проверить, жив ли он и не собирается ли исчезнуть. Разговор — только после того, как решим, чем можем его защитить.

Карьерная улица шла вдоль старого разреза. Дома там строили для горняков, но шахту закрыли раньше завода, и теперь в подъездах жили семьи со всех сокращённых участков. Номер Савиных оказался в пятиэтажке с зелёной полосой по фасаду.

Дежурная машина стояла за углом. Молодой сержант сообщил, что в квартире никто не открыл. Соседка видела Ирину утром, Петра — вчера вечером. Свет в окнах не горел.

Андрей позвонил в домофон. Тишина. Набрал Ирину — телефон был выключен. Позвонил Петру — номер оказался вне сети.

— Мартынову? — спросила Грачева.

— Сначала сами.

Они поднялись на третий этаж. Дверь квартиры выглядела целой. На коврике лежала детская варежка, розовая, с пришитой белой бусиной. Андрей наклонился, но не тронул её.

— Случайно уронили?

— Возможно.

На косяке рядом с замком белела свежая царапина. Не след взлома — слишком тонкая и короткая. Кто-то промахнулся ключом или провёл металлической молнией сумки. Грачева сфотографировала.

Снизу хлопнула дверь. По лестнице поднялась женщина с пакетом картошки. Увидев полицию, остановилась.

— Савиных ищете? Они уехали.

— Когда? — спросил Андрей.

— Час назад, может, полтора. Ирина прибежала, Петра позвала. Девочку завернули, сумки взяли.

— На чём уехали?

— На машине.

— Какой?

— Серой. Нашей местной, вроде. Я марки не понимаю.

— За рулём кто был?

— Мужчина. В шапке. Не Пётр.

— Вы лицо видели?

— Только сбоку. Тёмная куртка, щетина. Ирина его знала, сама дверь открыла.

— Они торопились?

Женщина поставила пакет на ступеньку.

— Не бегом. Но девочка плакала. Пётр сказал, что ненадолго к родственникам.

— К каким?

— Не сказал. У них вроде в Берёзовке родня.

Грачева попросила описать машину подробнее. Соседка вспомнила запасное колесо на задней двери и грязный номер. «Нива».

Андрей набрал Мартынова. Тот ответил сразу.

— Где Савины?

— Дома.

— Их нет дома.

Пауза длилась меньше секунды, но Андрей её услышал.

— Значит, к матери уехали.

— На серой «Ниве»?

— Откуда мне знать?

— Ирина позвонила тебе из столовой. После этого за ней приехала машина. Кто был за рулём?

— Нестеров, не устраивай допрос по телефону.

— Тогда приезжай на Карьерную.

— Я у директора.

— Ты третий час у директора.

Мартынов тяжело выдохнул.

— Я попросил знакомого отвезти их в безопасное место.

Грачева жестом велела Андрею не перебивать.

— Как зовут знакомого? — спросил он.

— Это неважно.

— Сейчас очень важно.

— Николай Ведерников. Водитель из снабжения. Он отвёз их в Берёзовку к Ириной матери.

— Номер машины.

Мартынов продиктовал. Андрей записал и показал Грачевой.

— Почему не сообщил следователю?

— Потому что вы приехали к ним с вопросами, а по городу уже пошла фамилия Петра. Я не хотел, чтобы какой-нибудь герой полез выбивать признание.

— Кто мог полезть?

— Любой, кто потеряет работу из-за этой истории.

— Или тот, кто убил Левина.

Мартынов промолчал.

— Евгений, — сказала Грачева, наклонившись к телефону, — если Савины не в Берёзовке, ты сейчас уничтожил доверие, которое ещё можно было сохранить. Если они там, ты всё равно самовольно спрятал возможного свидетеля и не обеспечил ему защиту. Адрес кому-нибудь называл?

— Нет.

— Ведерников знает.

— Он надёжный.

— Левин тоже кому-то казался надёжным.

Грачева забрала телефон.

— Оставайся на связи. Никуда не едь и никого больше не спасай без нас.

Она отключилась и сразу позвонила в дежурную часть. Номер «Нивы» передали постам, участковому Берёзовки велели проверить дом матери Ирины без шума. Пока она говорила, Андрей смотрел на детскую варежку.

Узел дал им не имя, а направление. Кто-то с привычкой сварщика стоял ночью на месте Хабирова. Эту привычку знали десятки людей. Но только один из них получил деньги от Хабирова через жену, был отмечен в списке Левина и исчез сразу после полицейских вопросов.

Этого всё ещё было мало для обвинения.

Для страха — достаточно.

Через двенадцать минут дежурный перезвонил. Серая «Нива» до Берёзовки не доехала. Камера на выезде из Крутояра зафиксировала её в противоположном направлении — у дороги к закрытому карьеру.

Глава 7. Протокол в полночь

До закрытого карьера было одиннадцать километров, если ехать по старой бетонке, и почти вдвое больше — по зимней дороге через посёлок геологов. «Нива» выбрала бетонку. Камера лесопилки сняла её через четыре минуты после камеры на выезде из Крутояра: серый кузов, запасное колесо, грязная полоса вместо номера. За ней никто не шёл.

— Если Ведерников везёт их прятать, зачем карьер? — спросил Андрей.

Грачева не отрывала взгляда от дороги.

— Там сторожка дробильной станции. Летом рыбаки ночуют. Ещё можно свернуть к старому посёлку и выйти на Берёзовку с другой стороны.

— Тогда он не соврал про Берёзовку. Только забыл назвать крюк.

— Сначала найдём людей. Потом будем считать его слова.

Впереди шла машина дорожной службы, поднявшая мелкий снег. Грачева связалась с экипажем, который выехал навстречу со стороны геологов. Просила не включать маяки и не пытаться прижать «Ниву» на обледенелой бетонке. Андрей записал номер Ведерникова и позвонил. Абонент был недоступен.

У Ирины телефон тоже не появился в сети. Пётр не отвечал.

— Три выключенных телефона, — сказал Андрей.

— Или батареи вынули. Или связи нет. В карьере она пропадает.

— Мартынов должен был это знать.

Грачева посмотрела на него.

— Ты сейчас хочешь доказать, что он глупый или что он опасный?

— Хочу понять, почему он сам не сел за руль.

— Потому что тогда пришлось бы объяснять начальству, куда он делся. Или потому что семье он нужен здесь. Или потому что не хотел, чтобы его видели вместе с Петром. Выбирай любую версию, пока ни одна не стала фактом.

На развилке бетонка расходилась. Прямо стоял выцветший щит «Проезд запрещён», вправо уходила дорога к посёлку геологов. Свежие следы шин шли прямо. Андрей передал это дежурному. Встречный экипаж свернул к дальней стороне карьера, отрезая выезд через лес.

Через километр снег кончился. Ветер сдул его с бетонных плит, и следы исчезли. По обе стороны дороги тянулись отвалы, заросшие тонкими берёзами. За ними лежала чёрная вода карьера. Место выглядело пустым, но пустота здесь была обманчивая: между отвалами прятались гаражи, сторожка, две насосные будки и разбитые корпуса дробильной станции.

У первого корпуса Грачева остановилась. В грязи отпечатались шины, но таких следов было десятки.

— Не выходим, — сказала она. — Проверим сторожку.

Андрей увидел дым раньше, чем крышу. Тонкая белая струя поднималась из-за насыпи и сразу рвалась на ветру. Дорога огибала ржавую ленту конвейера. За поворотом стояла серая «Нива».

Машина была пустой. Правая дверь закрыта не до конца, на заднем сиденье лежало детское одеяло. Из низкой кирпичной сторожки падал жёлтый свет.

Грачева сообщила координаты и велела экипажу не подъезжать со стороны окна. Андрей вышел первым, оставаясь за двигателем служебной машины. Ветер хлопал жестью на крыше дробилки.

— Николай Ведерников! — крикнул он. — Полиция. Выйдите к двери, руки держите на виду.

В сторожке что-то упало. Затем дверь открылась, и на крыльце появился мужчина в тёмной шапке. Щетина, ватник, руки подняты не до конца. Андрей узнал водителя, которого видел у столовой.

— Вы чего? — спросил Ведерников. — Тут ребёнок.

— Поэтому стойте на месте. Кто внутри?

— Савины. Все трое. И сторож Семёныч. Он печку топит.

— Оружие есть?

— Какое оружие? Топор у печки. Дрова рубить.

Грачева обошла машину и встала так, чтобы видеть окно. Из-за занавески показалось женское лицо. Ирина отдёрнула ткань, потом открыла дверь шире.

— Андрей Сергеевич? — сказала она. — Евгений Павлович вас прислал?

— Нет. Он сказал, что вы в Берёзовке.

Ирина посмотрела на Ведерникова.

— Николай сказал, дорогу перекрыли.

— Какую дорогу? — спросила Грачева.

Ведерников опустил руки.

— У западного моста трубу прорвало. Я решил через карьер. Тут девочке плохо стало, остановились согреть.

— Руки не опускайте.

Он снова поднял их, уже сердито.

Из сторожки вышел Пётр Савин. Он оказался ниже, чем представлял Андрей, и гораздо худее. На нём была рабочая куртка без знаков завода. Левую ладонь он держал в кармане.

— Руку покажите, — сказал Андрей.

Пётр медленно вынул ладонь. В пальцах был ингалятор.

— Дочки, — сказал он. — У неё от холода кашель.

Внутри девочка лет семи сидела на узкой лавке, укутанная в пальто и одеяло. Рядом стоял седой сторож с половником. На столе дымилась эмалированная кружка. Никаких следов борьбы Андрей не увидел. Сумки Савиных лежали у стены, детский рюкзак был раскрыт, сверху торчала книжка с картонной лисой.

Грачева попросила Ирину осмотреть ребёнка и отдельно поговорила с каждым взрослым. Андрей остался с Петром у крыльца. Спрашивать о ночной смене было рано. Он спросил только, кто предложил уехать.

— Ирина позвонила, сказала, полиция в столовой, — ответил Пётр. — Потом Евгений Павлович. Велел собрать лекарства и документы. Сказал, фамилию уже знают на заводе.

— Куда велел ехать?

— К тёще.

— Через карьер?

— Николай решил.

— Телефон почему выключен?

— Евгений Павлович сказал вынуть карту, чтобы нас не нашли.

— Кто не нашёл?

Пётр посмотрел на чёрную воду между отвалами.

— Те, кому Левин мешал.

— Он назвал фамилию?

— Нет.

— А вы знаете?

Пётр провёл большим пальцем по ингалятору.

— Если бы знал, не стоял бы здесь.

Ответ был слишком ровным, но Андрей не стал нажимать. За окном сторожки девочка закашлялась, и Пётр сразу обернулся.

— На заводе вы были после сокращения? — спросил Андрей.

Пётр посмотрел на него снова.

— Вы сказали, только про дорогу.

— Я спросил один раз. Можете не отвечать.

— Тогда не отвечу.

Он не удивился вопросу. Не переспросил, зачем завод вспомнили возле карьера. Это тоже пока ничего не доказывало, кроме того, что Мартынов успел его предупредить.

Грачева вышла со сторожем. Тот подтвердил: Ведерников привёз семью десять минут назад, попросил пустить погреться и позвонил кому-то с кнопочного телефона сторожа. Говорил: «Доехали, но дальше пока не пойдём». Кому звонил, сторож не знал.

— Мартынову, — сказал Ведерников, когда его спросили прямо. — Мой телефон разрядился.

— Номер помните?

— Евгения Павловича? Наизусть.

Грачева попросила сторожа не стирать список последних вызовов и сфотографировала экран. Звонок ушёл на номер Мартынова в девятнадцать сорок восемь. За минуту до этого телефон Грачевой получил ответ из Берёзовки: Савины не приехали.

— Почему Мартынов после вашего звонка не сообщил, что вы здесь? — спросила она.

— Может, не успел.

— Он успел дважды сказать, что вы в Берёзовке.

Ведерников посмотрел на «Ниву».

— Я думал, тут безопаснее переждать. В городе все друг друга знают. В Берёзовке тоже спросят.

— Значит, про трубу вы придумали.

— Про трубу придумал.

— Кто решил выключить телефоны?

— Женя. То есть Евгений Павлович.

— Кто выбрал сторожку?

— Я. Семёныча знаю.

— Кто ещё знает, что вы сюда ездите?

Ведерников задумался.

— На базе знают. Я сюда аккумулятор привозил. Рустам знает. Хабиров. Мы летом с ним рыбу ловили ниже насосной.

Ирина, стоявшая в дверях, прижала ладонь ко рту. Пётр шагнул к Ведерникову.

— Ты сказал, никто не знает.

— Никто не знает, что мы сейчас здесь.

— Ты сам позавчера в гараже рассказывал, где карася берёшь.

— Рассказывать — не значит вести.

— Хватит, — сказала Грачева. — Отсюда вы уедете с нами. Место, где вас будут ждать, по телефону не называем. Ведерников едет отдельно.

— Я не задержан? — спросил Пётр.

— Нет. Но сейчас есть основания считать, что вам может угрожать опасность. Вы можете отказаться. Тогда подпишете, что предупреждены, и выберете адрес сами.

Ирина посмотрела на мужа.

— Мы поедем.

Пётр не спорил.

Девочку пересадили в тёплую машину прибывшего экипажа. Медик дежурной бригады выслушал дыхание и сказал, что срочной госпитализации не требуется, но на холоде оставаться нельзя. Ирина забрала лекарства. Пётр нёс две сумки и ни разу не попросил вернуть телефонную карту.

Когда машины тронулись, Андрей позвонил Мартынову.

— Нашли, — сказал он.

— Все живы?

— Да.

В голосе Мартынова облегчение прозвучало раньше вопросов. Андрей отметил это против воли.

— Где они были?

— Там, куда ты их отправил.

— Я отправил в Берёзовку.

— Ведерников позвонил тебе из сторожки карьера. После этого ты снова сказал, что они в Берёзовке.

Мартынов замолчал.

— Он решил переждать, — наконец сказал он. — Я не хотел диктовать вам место по обычной связи.

— Но ты не позвонил Грачевой. Не позвонил дежурному. И отправил семью в место, которое знает Хабиров.

— Я про Хабирова не знал.

— Ты вообще спросил Ведерникова, кто знает сторожку?

— Андрей, я пытался убрать их с улицы.

— Ты убрал их из квартиры, где можно поставить охрану, в пустой карьер без связи.

— Теперь легко рассуждать.

— Приезжай в отдел.

— Я ещё у директора.

— Директор закончил совещание в шесть. Я проверил через секретаря.

В трубке послышалось дыхание.

— Хорошо, — сказал Мартынов. — Через двадцать минут.

В отделе Петра и Ирину развели по разным кабинетам. Не для допроса: Грачева объяснила им меры безопасности, записала согласие на временное размещение и изъяла телефонные карты в отдельный пакет по добровольной выдаче. Девочка уснула на сдвинутых стульях, подложив под щёку куртку матери.

Мартынов приехал через тридцать семь минут. Снял шапку, стряхнул снег и первым делом заглянул в кабинет, где сидели Савины.

— Не заходи, — сказал Андрей.

— Я хочу убедиться, что девочка в порядке.

— Медик убедился.

— Ты теперь дверь охраняешь от меня?

— Пока да.

Мартынов прошёл в дежурную комнату. Грачева положила перед ним распечатку вызовов со сторожевого телефона.

— Объясните последовательно, — сказала она. — Когда Ирина Савина вам позвонила, что вы сделали, кому звонили и что сообщили семье.

Мартынов сел, но куртку не снял.

— Ирина позвонила около пяти. Сказала, что в столовой были Андрей и вы. Я понял, что фамилия всплыла. Позвонил Ведерникову, попросил отвезти семью к матери Ирины. Потом позвонил Петру и сказал собрать лекарства. Всё.

— Зачем выключать телефоны?

— Чтобы за ними не следили.

— Кто?

— Не знаю. Человек, который убил Левина.

— Откуда вы решили, что убийца интересуется Петром?

Мартынов посмотрел на Андрея.

— Потому что вы интересуетесь Петром. Если вы нашли связь, найдёт и убийца.

— Какую связь нашли мы? — спросил Андрей.

— Его фамилию в списке.

— Про узел ты не знал.

— Теперь знаю. По цеху уже разнесли.

— В пять часов ещё не разнесли.

— В списке фамилия была раньше.

Грачева не дала им продолжить.

— Когда вы впервые разговаривали с Петром Савиным о смерти Левина?

Мартынов повернулся к ней медленно.

— Вчера утром.

— Где?

— У него дома.

— Во сколько?

— Около половины десятого.

— Вы составляли документ?

— Получил объяснение. Оно в материалах проверки.

Андрей почувствовал, как внутри встало на место то, что мешало с самого утра. Мартынов не просто знал фамилию. Он уже разговаривал с Петром и ни разу не сказал об этом, пока они перебирали списки, карты и переводы.

— Почему объяснение не передали Грачевой? — спросил он.

— Передал через канцелярию.

— Когда?

— Сегодня.

— После того, как Савины уехали?

— Когда успел.

Грачева позвонила дежурному и попросила принести все поступившие за день материалы по смерти Левина. Через несколько минут на стол легла тонкая папка. Объяснение Петра Савина было зарегистрировано в двадцать часов двенадцать, хотя на самом листе стояла вчерашняя дата.

Текст занимал одну страницу. Пётр сообщал, что в ночь происшествия находился дома, о смерти Левина узнал от знакомых, конфликтов с ним не имел. Внизу стояла подпись. Над первой строкой Мартынов написал: «Опрос начат 09:10, окончен 09:27».

— Вы сказали половина десятого, — заметила Грачева.

— Приблизительно. Здесь точное время.

— Почему вчерашний документ зарегистрирован только сейчас?

— Забыл в планшете.

— Почему не сообщили о нём, когда Нестеров назвал фамилию Савина?

— Потому что объяснение пустое. Пётр был дома.

— Это не вам решать, пустое оно или нет.

Мартынов расстегнул куртку. В комнате было жарко, но на виске у него блестела влага.

Андрей прочитал лист ещё раз. Почерк Мартынова он знал: крупные буквы, короткая перекладина у «т», цифра семь без черты. Подпись Петра выглядела неровной, словно лист лежал не на столе. В правом верхнем углу остался серый след от зажима.

— В каком планшете? — спросил Андрей.

— В служебном.

— Покажи.

— Он в машине.

Грачева попросила дежурного принести планшет. Мартынов отдал ключи без спора.

— Кто видел вас у Савиных в девять десять? — спросила она.

— Никто. Ирина была на смене, девочка в школе.

— Вы звонили в домофон?

— Дверь подъезда была открыта.

— Петру звонили?

— Нет. Постучал.

— Служебную машину где оставили?

— Во дворе.

Андрей открыл журнал выдачи машин на компьютере дежурного. Вчера Мартынов получил служебный автомобиль в девять сорок две. До этого машина была у ночного экипажа и вернулась в гараж в девять тридцать шесть. Мартынов мог приехать на личной, но его старая «Лада» уже неделю стояла у дома с разобранным колесом — Андрей видел её сам.

— Ты на чём ездил в девять десять? — спросил он.

— Пешком.

От отдела до Карьерной было чуть больше трёх километров. Дойти можно. Но утреннее совещание закончилось в девять ноль пять, и Мартынов отмечался в журнале оружейной комнаты в девять двадцать одну: сдавал ключ от сейфа после проверки. Запись подтвердил дежурный. Его подпись стояла напротив времени.

Грачева положила рядом копию журнала.

— В девять десять вы начали опрос на Карьерной. В девять двадцать одну вы находились здесь. В девять двадцать семь закончили опрос там. Объясните.

Мартынов долго смотрел на две бумаги.

— В журнале могли ошибиться.

Дежурный, стоявший у двери, нахмурился.

— Время с камеры ставил, — сказал он. — У нас после проверки начальника велено точно.

— Камеру сохраните, — сказала Грачева.

Запись из коридора открыли на служебном компьютере. В девять девятнадцать Мартынов вошёл в комнату с ключом, поговорил с дежурным и вышел в девять двадцать три. На стене за его плечом шли электронные часы. Ошибки в часах не было: их сверили с сервером.

— Может, дата на камере другая? — спросил Мартынов, уже без уверенности.

— Дата вчерашняя, — ответил Андрей.

Служебный планшет принесли в прозрачном пакете. Между крышкой и блокнотом лежал отрывной лист с номером аптеки. Самого объяснения там, конечно, уже не было. Андрей заметил в блокноте вдавленные строки. Грачева запретила трогать страницу и вызвала специалиста.

— Когда вы на самом деле разговаривали с Петром? — спросила она.

— Я сказал.

— Ваше время невозможно.

— Значит, я перепутал. Написал девять вместо одиннадцати.

— В одиннадцать вы были на заводской проходной вместе с Нестеровым. Есть журнал входа.

— Тогда позже.

— Насколько позже?

Мартынов потёр ладонью лицо.

— После обеда.

— Во сколько?

— Не помню.

— Почему в документе девять десять?

— Чтобы не объяснять, почему я поехал к нему после того, как фамилия появилась в списке.

Это прозвучало почти как признание, но отвечало только на половину вопроса. Список Андрей получил от Татьяны Левиной после обеда. Мартынов увидел фамилию вместе с ним. Значит, разговор мог состояться позже, и тогда Пётр уже знал, что полиция ищет сокращённых рабочих.

— Кто предложил написать, что он был дома? — спросила Грачева.

— Он был дома.

— Я спросила не это.

— Это его слова.

— Почему вы сделали вид, будто получили их до появления фамилии?

Мартынов сжал губы.

— Потому что иначе вы бы решили, что я подсказал ему ответ.

— А вы подсказали?

— Нет.

— Почему тогда боялись именно этого?

Он посмотрел на закрытую дверь, за которой спала девочка Савиных.

— Потому что у вас есть бумага, а у них есть ребёнок. Бумага всегда победит, если дать ей правильное время.

— Вы поставили правильное время? — тихо спросил Андрей.

Мартынов не ответил.

Грачева объявила перерыв и велела ему не покидать отдел. Объяснение, журналы и записи камеры оформили отдельно. Полного допроса Петра в эту ночь не проводили: он устал, ребёнок нуждался в матери, а после действий Мартынова любой торопливый разговор можно было представить как давление. Грачева записала только обстоятельства поездки к карьеру и предложила защитника перед следующим разговором.

Петра вывели через заднюю дверь. Он задержался рядом с Андреем.

— Евгений Павлович хотел помочь, — сказал он.

— Помощь не должна требовать ложного времени.

Пётр опустил глаза.

— Иногда время — единственное, что можно передвинуть.

— Нет. Передвинув время, ты передвигаешь человека. Он оказывается там, где его не было.

Пётр поднял сумку.

— Тогда спросите, где был каждый.

— Спрошу.

— И тех, у кого табель красивый?

— В первую очередь.

Пётр ушёл за сотрудником, не добавив ничего. Он не признал ни чужую смену, ни встречу с Левиным. Но впервые отделил себя от людей с красивым табелем не словами, а тем, как произнёс вопрос.

Мартынов сидел в дежурной комнате один. Перед ним лежал чистый лист. Он не писал.

Андрей остановился в дверях.

— Когда был разговор?

— Светлана сама спросит.

— Я не про час. До того, как ты увидел список, или после?

Мартынов поднял голову.

— После.

— Пётр сам сказал, что был дома?

— Я уже ответил.

— Нет. Ты спрятался за его подписью.

— А ты спрячешься за журналами. Так безопаснее.

— Журналы хотя бы не знают, кого жалеть.

— Поэтому они и ломают людей ровно, без перекоса.

Андрей хотел напомнить ему про карьер, выключенные телефоны и Хабирова, знавшего сторожку. Но понял, что Мартынов всё это уже знает. Жалость не сделала его осторожнее. Она только убедила, что он вправе решать за других, какая ложь им полезна.

На столе дежурного лежали две копии. По одной Пётр Савин находился дома с девяти десяти. По другой Мартынов в девять двадцать одну стоял перед камерой за три километра от его дома. Обе бумаги были подписаны. Только одна не просила верить человеку на слово.

Андрей забрал копию журнала и пошёл к Грачевой.

Теперь у них был не ответ, где находился Пётр в ночь смерти Левина. У них был документальный факт: Мартынов солгал о том, когда впервые закрепил его алиби.

А значит, настоящее время разговора могло изменить всё, что было сказано после него.

Глава 8. Билет после проходной

Утром Крутояр проснулся под мокрым снегом. Автобусы шли медленнее расписания, заводская сирена прозвучала над крышами в семь ноль ноль, а возле проходной уже стояли две очереди: одна на смену, другая — в отдел кадров за справками о сокращении.

Андрей не поехал ни туда, ни туда. В половине седьмого он был на автостанции.

Здание помещалось в первом этаже бывшей бани. Над кассой висели часы с остановившейся секундной стрелкой, в зале пахло мокрой одеждой и тестом из ларька. На стене у расписания фломастером дописали: «Карьер — по требованию». Это был не отдельный маршрут, а остановка между Крутояром и посёлком геологов.

Диспетчер Валентина Сухова выслушала Андрея и покачала головой.

— Ночью у нас ничего не ходит. Последний на геологов в двадцать три сорок, первый обратно в пять десять.

— А после двух часов?

— После двух только заводские развозки. Они к нам не относятся.

— Бумажные билеты на пригородных сохранились?

— На старых автобусах. Водитель продаёт из рулона, контрольный корешок остаётся у него. На новых терминал.

— Какой шёл вчера в пять десять от геологов?

Сухова открыла толстую тетрадь.

— Семьдесят третий. Водитель Корнеев, кондуктор Лапина. Только он в Крутояр не зашёл, поломался у карьера. Подменный забрал людей.

— Билеты сохранились?

— Если Лапина рулон не выбросила. Смена закрыта, выручка сдана.

— Где автобус?

— В гараже перевозчика. А Лапина сейчас на маршруте.

Андрей записал адрес. Ночью он почти не спал, но мысль о билете появилась не из воздуха. В кармане куртки Петра при поверхностном осмотре перед размещением заметили бумажный уголок. Изымать личные вещи без основания не стали. Пётр сказал, что это чек из аптеки. Ирина отдельно упомянула, что муж вернулся домой утром на автобусе, но сразу поправилась: не в день смерти Левина, а «вообще после подработок». Слова могли быть случайными. Могли не быть.

Грачева согласилась начать не с кармана Петра, а с маршрута. Если билет существовал, он должен был совпасть с учётом перевозчика и чьей-то памятью.

Гараж находился за хлебозаводом. Автобус номер семьдесят три стоял над смотровой ямой с поднятым люком двигателя. Механик объяснил: лопнул шланг охлаждения, водитель остановился в пятистах метрах после карьерного поворота в пять тридцать две. Подменный автобус прибыл в шесть ноль восемь.

— Пассажиров много было? — спросил Андрей.

— Семеро по путёвке.

— По именам?

— У нас не самолёт. По билетам.

В сейфе бухгалтерии нашли пакет смены. В нём лежали путевой лист, отчёт по выручке и контрольная лента с номерами проданных билетов. От посёлка геологов до Крутояра продали четыре полных билета. На остановке «Карьер» — ещё один полный и один льготный. На следующей, у лесопилки, — один полный.

— Время продажи фиксируется? — спросил Андрей.

Бухгалтер показала лист кондуктора. Напротив каждой остановки стояла сумма, но часов не было.

— Кондуктор пробивает по ходу. Время только в терминале, а здесь рулон.

— Номер билета можно связать с остановкой?

— Вот начальный номер, вот конечный. Порядок сохраняется, если она не ошиблась и не оторвала пустой.

Билет с карьерного поворота должен был иметь номер между четырьмя геологическими и льготным. Номер Андрей записал, не называя пока имени.

Водитель Корнеев спал после смены. Его жена разбудила по телефону, и через двадцать минут он пришёл в гараж в спортивных брюках под рабочей курткой.

— На карьере двое сели, — сказал он. — Женщина старая и мужик.

— Вместе?

— Нет. Бабка у знака стояла. Мужик из-за насыпи вышел, когда мы уже тормозили.

— Как выглядел?

— Тёмный, в шапке. Все зимой тёмные и в шапках.

— Рабочая одежда?

— Куртка рабочая, без полос. Сумка через плечо.

— Лицо видели?

— В зеркало. Молодой, небритый. Может, тридцать, может, сорок.

— Где вышел?

— Не знаю. Когда шланг порвало, пассажиров пересадили. Я с машиной остался.

— Он нервничал?

Корнеев пожал плечами.

— Все нервничали. На работу опаздывали. Он один не ругался.

— Говорил с кем-нибудь?

— Спросил, успеют ли к семи. Я сказал, если подмену быстро дадут.

Смена на заводе начиналась в восемь у дневных и заканчивалась в восемь у ночных. Человек с карьерного поворота мог спешить куда угодно, но вопрос о семи подходил тому, кто хотел попасть в город до утренней толпы.

— Руки запомнили? — спросил Андрей.

— Руки?

— Перчатки, ожоги, масло.

— Билет голой рукой брал. На большом пальце пластырь был. Или белая изолента.

У Петра на правом большом пальце Андрей вчера видел тонкую трещину у ногтя, но пластыря уже не было. Сварщики часто обжигали и резали руки. Совпадение оставалось общим.

Кондуктора Лапину нашли на конечной у больницы. Она сидела в пустом автобусе и считала мелочь. При виде удостоверения сразу убрала кассу в сумку.

— Я отчёт сдала, недостачи нет.

— Мы не про выручку. Про пассажира с карьерного поворота вчера утром.

Лапина нахмурилась.

— Там двое сели.

Она запомнила старуху: та спорила из-за льготы и показывала удостоверение ветерана труда. Мужчина дал пятисотрублёвую купюру за билет до Крутояра. Сдачу пересчитывал дважды.

— Куда билет положил?

— В наружный карман куртки. Чуть не потерял, ветер был.

— Лицо?

— Ворот поднят. Глаза светлые, вроде. Нос обычный. Вы мне десять похожих поставите — не выберу.

— Он сел в пять двадцать пять?

— Плюс-минус. Мы от геологов вышли с опозданием на семь минут.

— До Крутояра доехал?

— На подменный пересел. Вышел у старого рынка. Я запомнила, потому что он спросил, можно ли раньше открыть дверь, пока светофор держит. Я не открыла.

— Во сколько были у рынка?

— В шесть сорок две. Диспетчеру звонила после высадки.

Телефон подтвердил звонок в шесть сорок три. Подменный автобус имел спутниковый журнал: у старого рынка он остановился в шесть сорок одну и тронулся через минуту.

От рынка до дома Савиных было двенадцать минут пешком. Ирина вчера сказала, что муж вернулся «после подработки» до семи. Если речь шла о нужном утре, время складывалось.

Но пока складывалось без имени.

Андрей вернулся в отдел. Пётр уже сидел у Грачевой с защитником, которого нашла Ирина. На столе лежала его куртка. Пётр согласился добровольно показать содержимое карманов, после того как ему объяснили, что именно ищут и почему.

Из наружного кармана он достал две перчатки, гайку, сложенный список лекарств и смятый билет. Положил вещи по одной. На правом большом пальце белела новая полоска пластыря.

— Это чек из аптеки? — спросил Андрей.

Пётр посмотрел на билет.

— Ошибся вчера.

Бумага размокла по краю, но номер читался. Он совпал с полным билетом, проданным на остановке «Карьер». Направление — Крутояр. Цена — сто восемьдесят рублей.

— Когда получили? — спросила Грачева.

— Не помню.

— Кондуктор продала его вчера утром.

— Тогда вчера.

— Почему вы были у карьера в пять двадцать пять?

Защитник наклонился к Петру и что-то сказал вполголоса. Пётр кивнул.

— Я воспользуюсь правом не отвечать.

— Это ваше право, — сказала Грачева. — Билет вы передаёте добровольно или хотите, чтобы мы оформили изъятие другим способом?

— Добровольно.

Он подписал протокол осмотра. В этот раз время стояло настоящее, часы на стене попали на фотографию.

— Где вы были до остановки? — спросил Андрей, когда формальная часть закончилась.

Защитник поднял ладонь, но Пётр ответил:

— Гулял.

— Пять утра, закрытый карьер, мороз. Далеко гуляли?

— Достаточно.

— На заводе были?

Пётр посмотрел на него без злости.

— На этот вопрос я отвечу, когда пойму, вы ищете убийцу или человека без пропуска.

— Эти люди могут оказаться одним человеком.

— Могут. А могут нет.

— Левин был жив, когда вы его видели?

Защитник вмешался:

— Мой доверитель не говорил, что видел Левина.

— Я и не говорю, что видел, — сказал Пётр.

Это была осторожная фраза, слишком осторожная для человека, который просто гулял у карьера. Однако Андрей не стал повторять вопрос. Билет доказывал только поездку от карьерного поворота. Он не доказывал, откуда Пётр пришёл туда, чью карту держал и видел ли Левина.

Грачева закончила разговор. Петра снова отвели в безопасное место. Куртку вернули после того, как билет упаковали отдельно.

— Теперь у нас человек с билетом после проходной, — сказал Андрей.

— У нас Пётр с билетом в пять двадцать пять и карта Хабирова, вышедшая в два семнадцать, — поправила Грачева. — Между ними три часа, семь километров и ни одного свидетеля.

— Он мог переждать в сторожке.

— Мог. Мог идти пешком. Мог приехать к карьеру из другого места. «Мог» в дело не подшьёшь.

— Корнеев описал его.

— Молодой мужчина в тёмной куртке с сумкой. Полгорода.

— Пластырь.

— Сегодня пластырь есть. Вчера на остановке могла быть изолента у другого человека.

Она убрала копию протокола в папку.

— Нам нужна точка между проходной и автобусом.

Такой точкой могла стать заводская развозка. После ночной смены автобусы забирали рабочих у трёх проходных и везли по районам. Маршрут к Карьерной улице проходил мимо старого рынка, но не возле самого карьера. Человек, желавший скрыть выход, мог не садиться в заводской автобус: там лица знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.